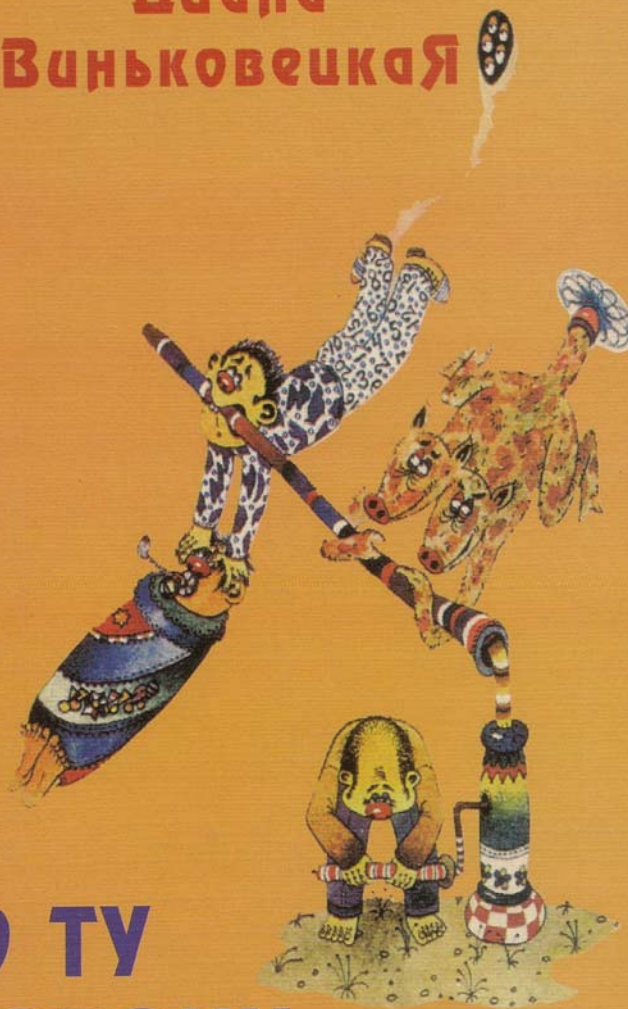

**Диана
Виньковецкая**

**ПО ТУ
СТОРОНУ
ВОСПИТАНИЯ**

Диана Виньковецкая

По ту сторону воспитания

РИСУНКИ ИГОРЯ ТЮЛЬПАНОВА

БОСТОН
1998

Оглавление

Введение: начало падения	7
Чистовик	19
Уроки в Мексике	24
Двухъярусная кровать	32
Кот и респонсбилити	37
Езда с наслаждением	42
Музыкальные иллюзии и присоединение "союзников"	48
Стена самовыражения	58
Чистота и её последствия	68
От музея до Фенвэя	74
Мать - мачеха	83
"Чёрные" взгляды сестры	95
Зимние забавы	105
Язык самовыражения	114
Психологические игры	121
Романы детей	128
Между лордом и "нёрдом"	143
Халловин, ведьмы, черти и дети	150

Введение: начало падения

Как широко неизвестно, я написала книжечку "Илюшины разговоры" - о том, "что чужой ребенок думает", или, говоря словами пародии, о том "что старший пророчил с горшка", - он мир ощущал, как квартиру, ещё не достигнув вершка". Теперь у меня целое собрание сочинений про команду детей, и не только о том, что чужие дети думают, а и о том, что думаю я, глядя на них.

Чем же наш "Заинька" и наша "Кисонька" сегодня удивят? И чем и как они меня навоспитывают? Наградят или накажут? Меня так наудивляли и навоспитывали, что я решила поделиться с публикой своими удивлениями и воспитаниями, в которых принимали участие четверо моих детей (Илюша, Даничка, Боря и Эля) плюс маленькая троюродная племянница Даша, которую слушаются не только родители, но и шесть её бабушек. Она продолжает лучшие традиции нашей семьи, основы которых были заложены Илюшей в его знаменитом трактате: "Мама, веди себя, как достойный человек!" Даша поддерживает Илюшины принципы воспитания родителей.

- Ты, Даша, дурочка, - в сердцах говорит ей мать.

- А ты - мать дурочки, - резюмирует Даша.

"Хочу хороший дом! Хочу роскошную машину! Хочу красивую шубу!" - мечтательно восклицала Дашина мама.

- Мама, а я хочу, чтобы ты успокоилась! - остановила мать Даша, игравшая на полу в куклы. И мать успокоилась.

Скажу сразу, что я не сторонник "стояния с палкой" над ребенком, хотя говорят, что этот метод приносит хорошие результаты при обучении игре на скрипке. Я скорее за "метод восхищения" - так я назвала свой процесс взаимодействия с моими четырьмя мальчиками. Этот метод приносит хорошие

результаты в свободном творчестве и прекрасных взаимоотношениях. Правда, в результате такого "воспитания" остаётся под вопросом способ пропитания, выращенных таким методом "свободных художников". Главное достижение при этом методе - выживание родителей.

Только после моих разнообразных попыток "поддержать палку в руках" - настоять на своем, после испробования самых современных методов воспитания, включая психоанализ, бихевиоризм и даже системы Пиаже я пришла к выводу, что самое лучшее "воспитание" - не воспитывать, а просто не мешаться и стараться не попадаться детям под горячую руку их свободного развития. Все мои "держания палки" заканчивались тем, что дети быстро её у меня из рук выхватывали и принимались меня сами воспитывать. К этим выводам и рассуждениям я пришла не сразу, а в процессе житья с четырьмя мальчиками.

Моё познание началось с собственного опыта.

Начну с самого начала: как только я задумала связать свою жизнь детьми, то сразу принялась рьяно готовиться их "воспитывать" по всем правилам науки, хотела выяснить - в чём истинный родительский долг? Начитавшись книг о воспитании, Амоса Каменского, Генриха Песталоцци, Джона Локка, Успенского, - я выработала идеал воспитания и физического, и нравственного, и умственного, не сомневаясь, что я-то! прямо так и начну - с пеленок - чтение поэзии, посещение музеев, слушанье музыки... Хиндемит на горшке! Не только сильный и ловкий, но и образованный. Однако, моя прыткость очень быстро встретила сопротивление, - почти сразу после рождения моего старшего сына Илюши. Я вдруг поняла, что одной наукой родившейся личности не охватить и не заставить делать того, что народившаяся личность не хочет делать. С пелёнок каждый хочет иметь свою волю. Как определила Даша: "Я хочу, что я хочу, а не то, что ты говоришь!"

Вот тебе на! А я думала, что все мои тщеславные мечты сразу реализую в своих детях, компенсирую упущенное собой. Будут композиторы! Бахи! Поэты! Шекспиры! Леонардо!

Маленькому "композитору" Илюше было немножко больше года как в один прекрасный день он вдруг отказался надевать "слюнявчик", который я на него повесила, собираясь кормить. "Не хочу!" - сказал он и сорвал с себя повешенный предмет. "Слюнявчик", расшитый бабушкой цветочкам и бабочками, упал на пол. Я его подняла и снова повесила на Илюшину шею. Он опять его стащил и бросил. Так повторилось несколько раз, и тогда я решила: "Ты будешь наказан и будешь сидеть в углу пока не наденешь "слюнявчик!" - и ушла из кухни. Проходит минут пять, я делаю попытку приблизиться к нему со "слюнявчиком", в ответ опять слышу: "Не хочу! Не буду!" Оставляю его ещё на какое-то время посидеть в углу (в прочитанных книгах советовали наказанных детей держать в комфортабельных условиях, - поэтому Илюша сидел в своём большом стуле). Опять возвращаюсь со "слюнявчиком" - в ответ то же самое.

Я начинаю терять терпение, а ему хоть бы что! Что делать? Где прочитать о том, что делать, чтобы не потерять авторитета? Лихорадочно ищу ответ в учебниках по детской психологии - ничего не отыскивается. В нервности натываюсь на слова "фиксация на матери... как результат неразрывной сексуальной привязанности к матери"... Хожу со слюнявчиком взад и вперёд. Илюша хочет разорвать сексуальную привязанность? Сидит голодный и не собирается ни надевать "слюнявчик", ни есть. Ребенок бастует и совершенно не слушает свою мать. Что же делать? Как "зафиксировать" ребёнка на матери? Прибегаю к хитрости: одеваю бабушкин "слюнявчик" на себя, а ему предлагаю магазинный с крокодилом Геной: вычитала, что у ребёнка есть механизм подражания. Опять отказ и от "слюнявчика", и от еды.

В полном смятении и в "слюнявчике", который мне давит шею, я выхожу в другую комнату, размышляя о том, что

же предпринять? Как исхитриться и заставить хотя бы поесть? Есть ли рецепты? Тихонько крадусь в кухню и вижу - наказанный умиротворённо раскачивается на стуле и водит пальцем по стене. Художник! Чувствую, что у него в запасе много сил, а мои уже на исходе. Я сажусь за стол и, сказать стыдно, начинаю есть манную кашу в "слюнявчике", чтобы личным примером вдохновить провинившегося. Ничего не получается - он смотрит на меня, но примера не берёт. Я почти всю кашу съедаю, давась ею, и уже сама ненавижу и этот поганый "слюнявчик", и эту поганую кашу, и уже готова пойти на любые уступки, лишь бы как-то выйти из этого процесса поедания каши и навешивания "слюнявчиков".

Ребенок сидит и в ус не дует. Смотрит на свой "слюнявчик", который, наконец-то, нашел достойного человека для ношения. Думает про себя: "Ну, и мать у меня! Дурочка!" Никакой сексуальной привязанности! И я совсем растерялась. Ребенок вырастет, а я так и буду со "слюнявчиком" ходить ?!

- Миленький мой Илюшечка! - взмолилась я. - Не надевай "слюнявчик", ну хоть поешь кашки, пожалуйста! Молчание... Я хватаю и свой, и его "слюнявчики" и бросаю на пол. Подхожу к нему и целую его. Он стирает мой поцелуй рукой, как бы отмахиваясь (воля побеждает сексуальную привязанность?) и продолжает величественно сидеть, но к еде не притрагивается. Тогда я выбрасываю оба "слюнявчика" в помойное ведро и опять тихонько приласкиваюсь. Илюша, хотя и не смахивает мой поцелуй, но и кашу не ест. И тут я полностью сдаюсь. Ласковым, подлизывающим голосом говорю:

- Илюша большой, большой мальчик! Ему не нужны "слюнявчики"! Илюша очень большой!"

После такого моего признания он приступил к еде.

"Да, - подумала я, - что получается, такая маленькая сопля, а какая воля! Как же быть? Сломать и подавить личность? Спрятать под крылом и взять на себя ответственность за всю его жизнь? Или оставить с сильным

характером?! Без характера и воли как будет жить? Где "самость"? Где мать и где сексуальная фиксация?"

С другой стороны, насмотрелась я и на "самоватых" детей, которые висели на люстрах, неподдавленные, несломленные, бесконтрольные, со своей волей, ничего и никого не признающие, никакого понятия не имеющие ни о добре, ни о зле. Таких что ждёт?

Вспомнился самостийный племянник наших приятелей, который бегал по коридору коммунальной квартиры с саблей и, размахивая ею во все стороны, бил по попкам всех проходящих. Его родственники умилялись: "Какой Сёмочка смелый!" Мы его про себя прозвали: "Сёмочка, разбей вазочку!" Он делал всё, что хотел. Казалось, что его родители всегда чувствовали себя виноватыми перед ним. Маленький деспот. Будет и мой такой же? Я уже начинаю ощущать свою вину. Где же "воспитание"? Как развить чувство свободы и самобытности, но чтоб не обнаглел? Ну, что же делать? Где пределы дозволенного? По мифу с неповиновения начинается жизнь. Адам и Ева ослушались, и что из этого вышло? И кто остаётся в "слюнявчике"?

Чтобы хоть как-то поправить свое жалкое поражение, я произнесла: "Вот так, Илюша, командуй своей женой, когда вырастешь!" Не знаю, понял ли он тогда мои слова, но я поняла, что из меня не получится настоящий твердый воспитатель, и постепенно пошла по линии свободного художественного развития - не запирает детей в угол, а только восхищается ими. И что же, думала я, получится: - "Сёмочка, как чудно ты разбил вазочку?" Просто - я убрала все вазочки.

Со "слюнявчика" началось моё начальное "воспитание" детьми, которое продолжается и поныне. "Слюнявчик" - это только начало моего падения, развенчания моих воспитательных (догматических) принципов. На "слюнявой" стадии своего воспитательского развития мне пришлось задуматься, что не всё так, как представлялось и ожидалось: оказывается, младенец - совершенно независимая личность, а

не моя собственность, и не подчиняется моим понятиям и моим оценкам.

Для меня началась эта древняя история открытия другой личности, которая для каждого начинается в разное время. Кто из нас кто?

И если вы захотите, то я продолжу мои рассказы "о воспитании", в котором принимали участие все мои дети и поодиночке, и всем коллективом. К моим собственным двум - Илюше и Даничке - присоединились еще два наставника - два сына моего второго мужа Лёни, один тоже под именем Илюша (я буду называть его Эля) - семи лет, а другой Боря - шести. Ко времени их присоединения к моим собственным учителям я уже заканчивала "аспирантуру", которой руководил Даничка. Под их совместным коллективным руководством я смогла "защитить докторскую диссертацию" на тему: "Способы выживания и сохранения человеческого вида в условиях детской тирании". Она выходит из печати в издательстве "Мир" в серии "Жизнь с детьми". Диссертация хорошо иллюстрирована и снабжена многочисленными фотографиями: разбитых ваз, сломанных дверей, кроватей, карнизов, столов, стульев, выломанных ламп, опустошённых грядок и других предметов детских забав и воздействий на психику родителей.

Подзаголовок моей докторской работы: "В борьбе с детьми за власть". Я перечислю главы:

1. Методы давления детей на родителей. (Неистовый рёв. Топанье ногами. Хитрость. Обман. Ложь. Угрозы. Шантаж. И другие.)

2. Методы воздействия родителей на детей. (Подкуп. Увещевания. Услужливость. Просьбы. Ласки. Заискивания. Задабривание. И другие.)

3. Использование детьми чувства вины родителей, как главной движущей силы в борьбе за власть.

4. Другие механизмы и рычаги захвата власти, ключевых постов и привилегий. (Основной фактический материал для этой главы был предоставлен моим сыном Даничкой, который достиг совершенства в нащупывании

слабых родительских мест. В будущем он собирается сам опубликовать подробную инструкцию для детского пользования.)

5. Способ восхищения детьми - как основа выживания и сохранения человеческого вида. (Выводы этой главы основаны не только на личном опыте автора, но и на статистических данных опросов "несохранив-шихся".)

6. Специальные приложения:

а) Чем заканчиваются попытки приучения детей к искусству, музыке, поэзии, русскому языку и другие виды насилия (примеры взяты не только из одной нашей семьи).

б) Выходы за пределы бессознательного при коллективных посещениях оперы, балета, театра, музеев и других культурных учреждений (на примере только одной нашей семьи).

Людам со специальными заслонками в ушах высылаются звукозапись отдельных мирных детских бесед между собою под музыку "Рэп".

Имеющие допуск к совершенно секретным материалам могут заказать моё отдельное эссе: "Как я пережила страх и угрозу американской Гоморры для моих четырех мальчиков". Жду заказов.

В книжке употребляются слова, которые не всем понятны, на всякий случай я их выписываю, по алфавитному порядку.

Африкан-американ	один или несколько негров
Батмэн	герой фильмов (хороший)
Бейсбол	деревенская, русская лапта
Бойфренд	друг, возлюбленный
Гёлфренд	подружка, возлюбленная
Даунтаун	центр города, с кубатурами небоскрёбностей
Дайперсы	подгузники
Дейт рейп	приятельское изнасилование
Деливери	доставка
Коми	сокращённый коммунист
Кул-гай	парень, безразличный и надменный
Лаер	врун
Лайсенз	разрешение на ...
Ленд-лорд	домовладелец, часто не лорд
Макдональдс	место питания
Мадона	певица
Майкл	певец и плясун
Маффин	среднее между булкой и кексом
Нёрд	
Парковка	зануда, скучный учёный
Постер	стоянка для машин
Попкорн	плакат
Респонсбилити	воздушная кукуруза
Рум-мейт	ответственность, редкое качество людей
Рэп	сосед по комнате или квартире
Сексуальная фиксация	ритмичные выкрики под музыку

Сирил	психологический термин,
Скэйтборд	объясняющий поведение детей и взрослых, по Фрейду
Соккер	сухая каша
Стикеры	доска на колёсах,
Супермэн	эволюционировавший самокат
Сэйл	иностраный (европейский)
Сэндвич	футбол
Хамбургер	маленькие картинки-наклейки
Хотдог	герой фильмов (хороший)
Чайлд абюз	дешёвая распродажа всего
Шот	булка или хлеб с начинкой
	американская котлета
	горячая сосиска в булочке
	издевательство над детьми
	прививка, укол

Чистовик

"Произошло два чуда, - сказал семилетний Илюша, - я - школьник и у меня родился брат!"

"Чудо", или брат Даничка, мощным криком огласил присоединение к воспитанию родителей, и Илюша, несмотря на муки ревности ("Данилке-то хорошо, его на чистовик родили, а меня на черновик") и не знания, что придётся делиться с братом любовью ("Я не знал, что вы его так залюбите!"), через некоторое время рассудил, что у него появился союзник против взрослых.

Союзник круто взялся за воспитание, используя прямые методы воздействия, к которым я оказалась совершенно не подготовлена. До рождения "союзника" моё воспитание шло твёрдым, но мирным путём. Илюша использовал в основном философско-абстрактные рассуждения, стыдил меня: "Твой же Понократ говорил, не обращай внимания на мелочи, мама", упрекал в глупости: "Очень глупые родители мне попались. Мама - дура! Папа - дурак!" Но мощным физическим атакам и нападениям мы не подвергались.

Моё воспитание до рождения "чуда" и "чистовика" было на "слюнявой" стадии, мой воспитатель имел послушный и рассудительный характер, разумное спокойствие и отсутствие порывистых движений.

"Чистовик" моментально показал, что прошло то мирное философское времечко и что Илюшино воздействие всего лишь маленькие цветочные почечки в сравнении с мощным оружием - требовательным рёвом, летанием из угла в угол, плаваньем по воздуху с починкой подмёток на ходу, подчинения и привлечения к себе внимания с гипнотизирующей настойчивостью: "Мама, посмотри! Как я... Не уходи!.. Смотри!.. Будь со мной!" Самостийность разворачивалась с каждым днём всё цветастее!

С рождением Данички пришло воспитание, не от русского корня "питать", а от латинского "вести" и "тянуть".

День за днем приходилось убеждаться в наивности и старых, и новых понятий воспитания. Скорее, я попала в зависимость - я должна учиться жить с чужой волей, должна с ней считаться, приспособливаться и переучиваться. Как заставить ребенка делать то, что он не хочет? Как научить хотеть?

"Можно подвести лошадь к воде, - как говорится в американской пословице, - но нельзя заставить её пить". Пить воду начала я сама, а "их" (детей) стала водить на водопой.

Глядя на Даничку и его поведение, на его искромётную проворность и шумный характер, у меня стало зарождаться подозрение, что природа всех ценностей противоречива: искание собственной выгоды, стремление к обману - разве это не движущие силы в развитии жизни и истории? Должна ли я его учить ходить по струнке, когда он хочет взлетать и на ходу рвать подмётки? Остановить это задорное сумасбродное движение? Акт неповиновения не есть ли начало человеческой свободы? Как считать? И как смотреть? Очевидно, что искусство воспитания, хоть и возникло с самого появления человека, но остаётся местом, где вопросительные знаки назначили себе свидания.

Если Илюша, стоя у водопойного стенда, три часа выбирает, какой ему взять напиток, то у Данички размышление и действие - единое качество, и он в две секунды делает выбор, выпивает свою банку с какой-нибудь

жидкостью и ждёт. Я уже вижу, что он приготовился к Илюшиной банке. Даничка со скоростью света, если она быстрее скорости мысли, просчитывает все свои выгоды.

Что говорить? Не шевелись, Даничка, дай возможность выбрать брату? Не выпивай Илюшин "кока-кол"?

После того как Илюша, наконец-то, получает из автомата выбранное и начинает пить, присмаковывая и поглядывая на Союзника, тот отвечает:

- Он меня дразнит! Он пьёт, а у меня нету! Я тоже хочу!

Все будто забыли, что своё он уже выпил. Хочет испить из Илюшиной банки.

- Это моя!

- Нет, моя!

- Хорошо, Даничка, купи ещё одну банку на двоих.

Быстро вылетает из автомата третья, и через секунду дно банки сверкает у Данички в руках.

- Даничка мне мало оставил! - хныкает Илюша, и тут же начинается потасовка.

Каждый отстаивает свои права, предъявляет претензии, и, как в конфликтах между странами, проявляются основные стремления человеческой природы. На чьей быть стороне? Я пытаюсь понять, кто более виновен? Попробуй разберись! Илюша тоже не лыком шит и хочет себе подчинения. Я бегаю из стороны в сторону и призываю к благоразумию. Что толку в моих увещаниях?! Перехожу туда-сюда, гоняюсь за справедливостью. Союзники тем временем уже давно вместе едят мороженое и празднуют примирение.

Как быть? Как не переходить ни на какую сторону в их конфликтах борьбы за банки, за игрушки, за каждый пустяк?

Крайние противоположности связывает что-то общее.

Уроки в Мексике

Издалека кажется красивым: "Мексика", "Акапулько", кактусы, пальмы, агавы. А вблизи, если вы живёте в одной комнате с двумя детьми и с деньгами не такими, как у Говарда Хьюза, поместье которого окружено на сто километров китайскими стенами, всё покажется не в том романтическом свете, как в воображении. Тропическая страна! Тихий океан! Решила посмотреть и показать Илюше и Даничке.

Достали по жуткому сэйлу три билета в Акапулько, в отель на берегу океана. Живописная бухта, окружённая замкнутым кольцом гор, которые разорваны океаном, - эта круглая вулканическая кальдера провала, затопленная водой, родилась совсем недавно, всего навсего миллион лет тому назад, с появлением человека. "Позади тут больше... Из ниш исчезли бюсты, портики пожухли, стена осела дёснами в овраг."

Заранее я обещала себе быть к услугам своих мальчиков, с терпением и лаской относиться к их причудам и удовольствиям. Но я недооценила их возможностей катаваситься и переоценила свои влиятельные силы. Яша

оставался в Хьюстоне, и мне одной нужно было сражаться с союзниками на чужой территории.

Перво-наперво союзники от использования мексиканской воды стали производить неприятные для слуха звуки. Шла борьба за оккупацию туалета. Это непредвиденное обстоятельство на несколько дней привязало нас к отелю и, естественно, не давало возможности развлекаться поездками и прогулками. Дети, однако, выпросились полетать вдоль пляжа на парашюте и полетели. Даничка пролетел над моей головой, дрыгая ногами. Хорошо, что я его уговорила надеть подшортники с дайперсами!

Купаться в океане два дня было невозможно, волны высотой в три метра набегали на берег, и охватывал страх не выкарабкаться из шевелящейся пучины. Илюша настырничал, что это небольшие волны и что таких волн он не боится. И несмотря на мольбы и страхи матери, он пошёл в океан с одним молодым человеком из Канады. А мать осталась бегать по берегу.

Бегаю взад и вперёд по плащу разбивающихся волн в ожидании. Ни читать, ни загорать, ни о чём думать не могу, кроме одного, - когда же Илюша приплывёт из волн? Избегалась и иссмотрелась.

Всплыло в памяти, как отдыхала с шестилетним Илюшей в Пицунде, и он тоже хотел плавать в волнах, и я тоже была с ним не согласна, и мы спорили. Тогда вмешались два близлежащих соседа абхазца или грузина: "Что же это, малчык, ты не слушаешься свою мать!?" Все кругом, как известно, воспитатели, особенно чужих детей. Я им тогда ответила: "А что же это за мужчина, который слушается свою мать?!" Они удивились моему способу "воспитания", но одобрительно улыбнулись, и один из них даже сказал, что "и русский жэнщина бывает умный."

И вот "умный русский жэнщина" бегаёт по берегу и следит за головой уплывающего Илюши. Что хотела, то и получила!?

От слезки за головой Илюши меня всё время отвлекают идущие вдоль пляжа толпы продавцов. Чего только не предлагают! И тут какой-то мексиканец, заметив мой интерес к природе волнения, стал трясти около меня что-то и приговаривать: "Синьора, синьора, волна в бутылке!" Слово "волна" оторвало меня от слезки.

Что волна? Какая волна? И я взглянула на поразительную бутылку, которую продавец держал в руках и показывал. В прозрачной бутылке поднималась, опускалась и перекатывалась между стенками голубая волна.

Неужели какой-нибудь дурачок покупает волны в бутылках?

- Синьора, дешёво продам! Вы никогда не будете бояться волн! Посмотрите!

Плеск огромной волны отвлек меня от бутылки. Я отрицательно покачала головой, что, мол, мне не нужно этой декоративной волны. Мексиканец, однако, всё стоял около меня и тряс бутылку... Вдруг прохладная вода плеснулась у моих босых ног, докатилась до щиколоток, приласкалась и будто сказала мне что-то. Я неожиданно для себя купила бутылку с загнанной и кружащейся в ней волной. И русский жэнщина бывает дурачок.

Из волн Илюша вылез весёлый и довольный.

А бледно-фиолетовая мать полчаса отлёживалась на шезлонге, спрятав под юбку волну в бутылке, закрывшись мексиканской шляпой и разводя руками по песку.

Пошли обедать в прилегающий к отелю Мак-дональдс. Только вышли из отеля, как на нас налетела толпа детей выпрашивать деньги. Я раздала всю мелочь. А дети всё бегут за нами и всё клянчат и клянчат. Илюша прочёл мне нотацию, что я делаю неправильно, что я способствую их попрошайническим инстинктам.

В Макдональдсе, как только сели за столик и приступили к еде, так из-за ограды перевесились две детские головки и стали просить дать им тоже поесть. Тут сам Илюша не выдержал натиска голодных детей и отдал им свой

хамбургер. Я почувствовала, что мой хамбургер застрял у меня в горле. Мы пересели подальше от ограды, купили другую еду и тихо дообедали. Во все дальнейшие дни мы питались или в отеле, или в ресторане на втором этаже.

Вечерами союзникам делать было абсолютно нечего, и, чтобы их занять, я купила им дорогую книгу "История рок энд ролла" в надежде, что они будут заняты хоть какое-то время.

Но не тут-то было! Илюша захотел смотреть книгу, а Даничка предпочёл смотреть телевизор. Илюша начинает настаивать, чтобы они вместе рассматривали книгу, Даничка отказывается.

- Если ты не будешь сейчас же смотреть книгу, то я не буду объяснять тебе, кто есть кто, - твёрдо произносит Илюша.

- Нет, не смотри без меня! - требует Даничка, поняв, что он упустит какие-то наслаждения. - Не смотри!

Илюша демонстративно открывает книгу и делает вид, что её рассматривает. Даничка подбегает к нему, намереваясь закрыть книгу. Илюша вскакивает и рвётся к телевизору, пытаясь его выключить. Даничка успевает схватить Илюшу за руку и... пошёл безудержный скандал. Они орут, бегают друг за другом, Илюша размахивает книгой, выключает телевизор. Даничка подпрыгивает, пытается вырвать книгу и кричит, как резаный. Я поочередно их призываю к уступкам: "Прекратите сейчас же!" Но ни тот, ни другой не поддаются на мои увещания, не замечают моих призывов: будто вместо меня муха летает.

Они продолжают скандалить, бегать, орать. Я оказываюсь в глупейшем положении: на мои слова хоть бы капля внимания - что делать? Начинаю за ними гоняться, чтобы их растащить и отобрать у них книгу. Они, ничего не видя и не замечая, тусуют друг друга. Илюша держит книгу над головой, прыгает на кровать, Даничка хватается за все части тела, и они в полном безумии бесятся... Книга летает между ними взад и вперёд.

В борьбе супер-обложка разрывается на куски - Джон Леннон, оторванный от остальных "Битлсов", падает на мексиканскую вазу, а Маккартни с остальными ребятами - на пол. Я вырываю книгу из рук Илюши, трясу её, будто она виновата, и отшвыриваю в сторону. "Никто из вас не будет её смотреть!" Книга падает неизвестно куда.

Выбегаю из комнаты в бешенстве, зажмурив глаза, ныряю в бассейн, чтобы охладить свой безмерный пыл воспитания. Тону и падаю до дна. Дотрагиваюсь до дна руками, высовываю голову и вижу - из нашего номера, дверь из которого выходила прямо к бассейну, выезжает Даничка верхом на Илюше. Моргаю глазами и не верю им. Чем их протереть? Илюша на спине везёт Даничку! Оба весёлые, смеются, как ни в чём не бывало. Илюша изображает из себя коня и трясёт головой, а Даничка - задорного ковбоя с волосами набекрень и ногами, распластанными по бокам Илюшиного туловища. Слышу топот коня... В глазах всё сливается. Барахтаюсь в хлорной воде, того и гляди взаправду утону и упаду на дно от тяжести воспитания! Хотела мирной детской беседы простым способом!?

Они объезжают весь бассейн по кругу. Даничка с волочащимися по земле ногами держит одной рукой Илюшу за майку, а другой размахивает, будто бы хлестая коня. Я опять ныряю под воду, и на дне слышны звуки, как наездник и конь взвизгивают от радости взаимодействия. Вылезаю из воды, ложусь на нары, вокруг пальмы, солнышко и океан.

И ты хочешь "перевоспитать" природу? Хочешь загнать волны эмоций в бутылки? Попробуй! Вся природа стремится к жизни и выживанию, совершенно тебя не учитывая. Что же делать? Хотя бы согласовывать свою жизнь с требованиями природы. Воспитывать детей "сообразно природе" и обучать их играючи?!

Спустя полчаса я повела обоих наездников на водопой.

Только перед самым отъездом я выпустила плененную волну из бутылки на берег. На белом песке образовалось голубое пятнышко от лазурного красителя, но набежавшая

вода реальных волн моментально всё смыла и понесла назад в океан. Через секунду вобравшая её молодая волна скрыла и всё смешала, и не осталось никакого следа от мексиканской микроволны.

При въезде в Америку из Мексики все заполняли таможенные декларации и отвечали на вопрос: что они вывезли из Мексики? Стоящий передо мной мужчина написал: "шум", а я написала: "пустую бутылку".

Двухъярусная кровать

В России мне представлялось воспитательное благополучие: для двоих любимых сыночков иметь двухъярусную кровать! Они лежат вместе в одной комнате: на одном ярусе - Илюша, на втором - Даничка, а мы читаем для них книги, беседуем, целуем, ласково говорим: "Спокойной ночи!"

И вот в Америке сбылась моя мечта! Только мы въехали в свой первый дом, сразу же заказали для детей двухъярусную кровать. Привезли новенькую, пахнущую сандаловым деревом двухъярусную кровать. Всеи семьей принялись свинчивать, скручивать, устана-вливать. Дети весело бегают вокруг и радуются: Илюша, видимо, мечтает каждый день делать Данилке внушения, а Данилка просто веселится сам по себе. Как только кровать собрали и установили маленькую лестницу на верхний ярус, Данилка моментально забрался наверх и там расположился. Лежит на верхнем ярусе, наклонил голову и посматривает на Илюшу сверху. Захватил первый. Илюша, посидев на нижнем ярусе, понял, что наверху лучше, и начал ворчать, что он не хочет спать под Данилкой, а тоже хочет наверх. Мы предложили кинуть жребий - кому где лежать. Даничка отказывается

бросать жребий: вдруг верхнее место достанется Илюше, а он хочет быть только наверху.

Я ласково прошу:

- Илюша, уступи верхнее место Данилке.

- Нет! Я тоже хочу наверх!

- И я!

- Нет! Только я!

Ну, что делать?

- Давайте по очереди - одну неделю Илюша внизу, а потом Данилка?

Это предложение принимается.

Неделю мы продержались относительно спокойно и мирно. Как только пришла очередь поменяться местами и Данилке нужно было освободить верхнее место, он стал придумывать различные уловки, чтобы остаться наверху. Он выдумал, что у него наверху висят "стикеры" без которых он не может спать, что внизу ему мешает свет от лампы. Даничка отличался логическим своемыслием и находил своеобразные причины для своего комфорта.

С уговорами и увещаниями: "ты же обещал!", обращаясь к его же принципам, удалось спустить его вниз. Но не прошло и пяти минут, как из их комнаты стали раздаваться совсем не мирные звуки. Мальчики устроили потасовку непонятно из-за чего. Подушки летали с одного яруса на другой, из подушек сыпались пух и перья. Двухъярусная кровать дрожала под натиском наших дорогих мальчиков. Пришлось вмешаться. Они еле-еле уgomонились.

В следующую ночь я подкупила Данилку банкой селёдки, которую он обожал. Наевшись, он бесшумно уснул на нижней кровати. Но через день подушечные бои возобновились. Воспитательное благополучие сохранялось, пока Яша читал им книги и рассказывал истории. Как только они оставались вдвоём на разных уровнях кровати и если Даничка не засыпал от историй, начинались ночные сражения и разногласия, слышимые на весь дом. Они бились из-за каждого пустяка. Кровать шаталась, и дрожали картины на

прилегающей стене, я опасалась, как бы они не свалились на головы рассорившихся союзников.

Яша научно мне объяснил, что мирной замкнутой системы в нашем воспитании не получается, нет внутреннего согласия - Даничка недоволен.

- Яша, раз ты такой умный, то почему ты не предвидел, что никто не будет доволен лежать под кем-то? - спросила я.

- По любви согласится каждый, - ответил мне в шутку Яша.

Но как сделать так, чтоб все были довольны? Как спать на разных уровнях? Поставить две двухъярусные кровати, и каждый чтобы спал на высоте? Без любви систему не привести в равновесие.

Больше месяца мы продержались в незамкнутой воспитательной системе, и на сороковой день решили замкнуть воспитательное благополучие - переселить каждого в отдельную систему. Мы не вынесли их совместного пребывания на разных ярусах, а вынесли двухъярусную кровать из комнаты, распилив и разобрав соединения и ярусы. Поставили одноярусные кровати в разные комнаты и каждому в отдельности придумывали сказки и утешения. Уравняли союзников, и ночные битвы прекратились.

Перепиленные одноярусные кровати выглядели обкромсанными, не элегантными. Несколько часов я полировала наждачной бумагой торчащие штыри на спинках распиленных кроватей и замазывала лаком следы благополучного воспитания детей и родителей. Окончательно мне так и не удалось пригладить спинки и вывести последствия распиливания, и долго ещё перерезанные кровати с вывернутыми штырями напоминали о "незамкнутой системе" и о "двухъярусной иллюзии".

Воспитательный эксперимент - создание мирной замкнутой системы с использованием двухъярусного американского оборудования - подтвердил, что лежать под кем-то и быть довольным можно только с большой любовью.

Кот и респонсбилити

Хорошо известно, что домашние животные положительно влияют на психику детей. Смягчают и облагораживают характер. К кошкам обращаются с прекрасными стихами, собаки рисуются на картинах.

Кошка у наших друзей родила котят: двух чёрных и двух рыжих. Даничка первый из нашей семьи познакомился с этими котятами. Он "брал уроки рисования" вместе с хозяйкой кошки Анечкой. Котята произвели на Даничку неизгладимое впечатление, они кувыркались, подпрыгивали, взлетали, ласкались свободно и властно, бегали за Анечкой и делали всё, что хотели.

- Хочу кота! - торжественно произнёс Даничка.

Мы, естественно, не возражали, но я решила воспользоваться ситуацией, чтобы "повоспитывать" Даничку насчёт ответственности перед котом и перед нами, чтобы он осознал, что такое ответственность - через кота.

- Ты должен будешь взять на себя ответственность = responsibility за кота (для лучшего понимания слово "ответственность", я повторила ему по-английски -

responsibility "респонсбилити"). Заботиться о его чистоте, напоминать, чтобы у кота была всегда еда, приучить котёнка гадить во дворе, а не где попало, следить за ним, чтобы он не прыгал на стол, а чтобы вёл себя как приличный, образованный кот. Хорошо?!

Даничка, выслушав мою "лекцию", твёрдо произнёс:

- Кота хочу. А респонсбилити за кота - не хочу!

- Но ты понимаешь, что за кота кто-то должен нести ответственность?

И я опять повторила те обязанности, которые он должен взять на себя вместе с котом. Он в ответ повторил то же самое:

- Кота хочу! А респонсбилити за кота - не хочу!

- Но, ты понимаешь, что... - начала было я, но стоящий рядом Илюша меня перебил:

- Я возьму ответственность за кота! Я!

Даничка тут же настойчиво возразил:

- Я не хочу, чтобы он брал респонсбилити за кота!

- Почему? - спросила я.

- Потому что Илюша не даст мне играть с котом! Это будет его кот!

- Кто же тогда должен взять ответственность за кота?

Ты не хочешь и Илюше не даёшь? - удивилась я.

- Ты! - ответил мне Даничка.

Я и Илюша разинули рты. Даничка, оставив нас с открытыми ртами, вышел во двор. Илюша пробормотал:

- Даничка хитрый, но я хочу кота!

- Давай подумаем до завтра, может быть, что-нибудь придумаем и заставим Даничку взять хоть какую-то ответственность за кота.

На следующий день, придя из школы, Даничка, я слышу, звонит по телефону. Я не поняла, с кем и о чём он разговаривает, слышу слово "енот", потом "мыши". Неужели енота хочет завести? Потому что опять: "если укусит енот, то нужно..."

Повесив трубку, Даничка подошёл ко мне и сказал:

- Я спросил у Аниного папы - есть ли у чёрного кота shot? Как по-русски shot?

- Прививки.

- Они сказали, что ещё не сделали котам shot. Я им сказал, что коту нужен shot, и чтобы они сделали. Когда все shot будут у кота, тогда мы его и возьмём. Без shot кот может заболеть, его может укусить енот или собака.

Через минут пять звонит Анин папа, наш друг Толя, и со смехом пересказывает свой разговор с Даничкой: как Даничка требовательным тоном настаивал на прививках. "Такой маленький, а так настойчиво меня допытывал и так меня учил, и мне объяснял, чтобы коту приготовили еды на первый день, я удивился."

- Даничка, ты уже, я вижу, проявил некоторую ответственность за кота,- сказала я. - Спросил, есть ли у кота прививки. И чем его нужно кормить? Поэтому мы кота возьмём.

- Мама, без shot котов нельзя брать, - резюмировал Даничка. - Нужно подождать, когда они сделают ему все shots.

Мне в голову не могло прийти, что нужно взять котёнка со всеми прививками и уколами. Анины родители выполнили требование Данички и сделали всем котяткам прививки. Однако после того, как они заплатили за каждый shot по сто долларов, наше удивление прошло.

Через день чёрный-пречёрный кот-философ, без единого белого пятнышка, с прививками, названный Васей, молчаливо сидел в гостиной на диване в таинственной позе сфинкса и, спонтанно и ритмично мяукая, смотрел на нашу семью.

У каждого была своя респонсбилити за кота.

Кота воспитывал Илюша, разговаривал с ним, как с равным, считал, что кот угадывает его мысли, хвалил и наказывал, внушал ему правила поведения, не разрешал кусать телефонные провода, ходить по столам и побираться.

Кормила кота Дина, убирала за ним шерсть, чистила, выносила песок.

Яша на кота никак не реагировал.

А играл с котом Даничка, бегал с ним, скакал и развлекался. Чувствуя Даничкину простую и безответственную любовь, Вася обожал Даничку, тёрся о его ноги, приласкивался и всюду за ним следовал.

И только по ночам кот выходил и бродил в темноте, встречаясь неизвестно с кем.

Езда с наслаждением

Кто жил в Хьюстоне, тот знает, что этот город природа не наградила горами, холмами, и расположен он на космическом аэродроме, где дома друг от друга находятся на расстоянии пушечного выстрела и не соединяются ни пешеходными дорожками, ни тропинками, и даже к соседу нужно ехать на машине. В этом космическом городе не увидишь ни трамвая, ни троллейбуса, ни пешехода. Как вследствие атомной войны, не встретишь ни души. Все передвигаются в машинах. А как же дети? Детей развозят родители, и я работала шофёром у своих двоих детей. Они всё время куда-то ездили. Как шофёр такси, по их требованию, я возила их по всем направлениям и во все стороны этого аэродрома, по друзьям, и за линейкой, и на каток, и в школу, и из школы, и в бассейн, и в луна-парк, не говоря уже о врачах и библиотеках. Я не знаю, как другие люди устраивались, конечно, в миллионерских домах у детей были шофёры но я, как нормальный середняк, бо́льшую половину времени проводила за рулём. Потому сейчас женщины в Америке отказываются выходить замуж и иметь детей - будет некогда

на работу ходить. Если бы я родилась в Америке, то тоже бы ударилась в передовые женские организации, но привезённые из России дети не давали мне такой свободы.

- Хочу к Чаку! Хочу к Чаку! - начнет канючить Даничка через полчаса после того, как я его привезла из школы.

- Хорошо, немного погода - отвечаю я.

Через пять минут опять настойчивое канюченье:

- Хочу к Чаку! Отвези меня! Я уроки сделал.

К Чаку...

- О кей, сейчас я тебя отвезу, - говорю и вижу, Даничка уже наготове около машины.

Через открытые космические пространства города, по кривым фривэев, закручивающимся спиралями, синусоидами, кругами, касательными, едем к Чаку. Огибаем по дуге центр с кубатурами, пролетаем мимо школы, мимо фасада университета с высоченной остроконечной оградой и, наконец-то, дом Чака.

Возвращаюсь обратно тем же путём, кругами и полукружьями. И не успеваю толком войти в дом, как в очереди стоит Илюша, сделавший домашние задания и готовый ехать в библиотеку. Библиотека в одном квартале, и я быстро туда и обратно. Вхожу в дом, раскидываю всё по углам и, не успев всего разобрать, только схватившись за метлу, слышу телефонный звонок:

- Мама, забери меня от Чака.

Сейчас, прямо на метле! Вылетаю из дома на красном японском "Датсоне", будто в ступе, опять лечу через моря фривэев, улиц, мимо сверкающих зданий, мимо зажигающихся огней... забираю Даничку и отправляюсь снова по кругам.

В городе смеркается. И "льётся мёд огней вечерних", и в окнах будто бы кружатся пары, а я кручусь по бетонным очерченным фривэям, уводящим меня от мечтательной жизни.

Подступает глухое раздражение...

- Как далеко, Даничка, живут твои друзья! Ты всё время ездешь! Каждый день тебя нелёгкая носит! - возмущаюсь я в

машине, сначала потихоньку, а потом всё громче. - В такую даль я больше не могу тебя возить!

- Мама! - твёрдо говорит Даничка, - ты же обещала! Ты и везёшь! Не хотела - не обещай! А если обещала и везёшь, то - наслаждайся!

Положение наиглупейшее - действительно, сама согласилась, сама везу, чего же злиться? Я притихаю.

За Илюшей в библиотеку?!... И опять туда-сюда.

На следующий день, после моих внутримашинных недовольств, Даничка, садясь в наш красный "Датсан", предупреждает:

- Мама! Ты сама хотела меня отвозить...

И я, преодолевая подступающие недовольство, хочу радоваться предстоящему развозу.

Как же не радоваться, всё-таки я везу его в машине, а не он едет на велосипеде или на доске. Видели вы эти бешеные доски-самокаты!? После упорных сражений мы вынуждены были купить Даничке доску (скэйтборд). И подвозить его я стала ещё чаще.

- Мама, собирается дождь. У меня маленький кашель.

- Прими лекарство.

- Нет, я должен ехать. Я обещал. Меня в "даун тауне" ждёт Роб. И больной ребёнок под дождём поедет на "скэйтборд" в "даун таун"! - начинает заводить свои песни Даничка. Потом он прибавляет, что уроки он уже сделал. Больной ребёнок берёт доску в руки и прохаживается вдоль кухни.

- Сиди дома, не поезжай.

- Я обещал. И я среди машин и дождя...

Куда мне деться от представления, что будет с ним среди дождя и машин? И, естественно, у меня вырывается:

- Давай, я тебя подвезу!

- Только если ты сама хочешь! - напоминает Даничка.

И я отвожу и привожу. Может быть, с удовольствием? А представить детский велосипед среди машин и дождя?

Сразу изображаю наслаждение от развозки, как только увижу, что Даничка вытаскивает велосипед из гаража.

В Техасе водительские права можно получить в пятнадцать лет - из-за дальности расстояний и быстрой южной созреваемости. Илюша, обученный и подготовленный в школе, без всякой задержки получил права в таком раннем возрасте. Первый раз я хотела, чтобы он провалил экзамен, но он сдал. У нас была старая развалюха, которую мы отдали Илюше, и тут покой кончился окончательно. Вдвоём они ездили в школу, хотя и не по кольцам фривэев, но... куда мне деться от представления...?

Где вы, троллейбусы? Ну, хоть бы трамвайчик! Нет, не слышно в Хьюстоне ни звонков, ни стуков трамвая. Хотели было метро в Хьюстоне провести, опросили жителей: большинство отвергло плату лишних налогов, и проект прикрыли.

До самого переезда в Бостон, в котором ещё водятся трамваи и троллейбусы, я имела удовольствие развозить детей целыми днями и ночами. И сама хотела, как настаивал Даничка.

Музыкальные иллюзии и присоединение "союзников"

Даничка первый был подвергнут обучению игры на пианино. Илюша избежал этого натиска, потому что у него было полное отсутствие слуха и даже отсутствие половины уха. Все мои "музыкальные" мечты я обратила на Даничку, тем более, что у него обнаружили абсолютный слух. Тут уж я совсем размечталась, представила, как он дирижирует оркестрами, ездит по миру, и я сижу в первом ряду.

Купили пианино в кредит, каждый месяц расплачивались, и не только деньгами, как вы догадываетесь. Чего не вытерпишь из тщеславия!

В первые годы Даниле нравилось колотить по пианино, и он делал это даже без нашего особого вмешательства. У нас не было денег на частные уроки, и Яша давал уроки английского языка Даничкиной учительнице музыки Ларисе, приехавшей вместе с нами в Хьюстон из России, в обмен на её уроки музыки. Она любила Даничку, он обожал играть с ней и быстро продвигался по нотам. После того, как Лариса уехала из Хьюстона, Даничка перешёл опять в хорошие руки миссис

Strong, преподавательницы музыки из миллионерской школы St. Johns, куда Даничка поступил благодаря своим способностям сдавать тесты. Под её руководством и настоянием Даничка дошёл до концертов, после которых он великолепно кланялся. Концерты устраивались в домах обучающихся по очереди. На концертах Даничке больше хотелось хулиганить, а мне - смотреть на убранство и хозяев. Какие только дома мы не посещали! Многие из этих замков Ривер-окса могут соперничать по нелепости украшений с периодом "излишеств соцреализма", по-видимому, дизайнеры этих красот учились на Малой Арнаутской. Однако, встречались и дома, как замок Даничкиного друга Джона, попавшие в изысканные руки, и тогда кружилась голова от великолепия.

Два с половиной года миссис Strong поддерживала Даничкин интерес к искусству, но тоже уехала из Хьюстона, и тут началось музыкальное сопротивление. Видно, Даничка подрос и перестал испытывать любовь к учителям музыки. Каждый день превратился в борьбу - кто выживет: я, пианино, музыка или Даничка? Сидение за пианино с Даничкой превратилось в наказание, и хотя кое-какие аккорды мы всё-таки извлекали, но без любви и нежности. Часто я находила Даничку за пианино, он втискивался между стеной и инструментом и кукарекал, каркал, мяукал.

Ко времени присоединения ещё одних "союзников против взрослых" - Бори и Эли, двух детей моего второго мужа Лёни - Даничка вполне сносно барабанил на пианино. Чтобы союзники не отставали в развитии, была предпринята попытка обучать их музыке тоже.

Даничка не был тихим ребёнком и на выдумки был не дурак, пришедшие на подмогу союзники, близкие и по годам, и по выдумкам, сплотились в единый фронт.

Появление сводных братьев Даничка приветствовал улыбкой, что не объясняется ни в одном учебнике по детской психологии. Видимо, Даничка рассчитывал на весёлое времяпрепровождение, а с ревностью он не считался, потому

как всегда был уверен в своём превосходстве... Все вместе они вступили в борьбу с музыкой и с нами.

Первое время присоединения союзников окрашивалось выяснением: кто есть кто? Проверяли, прощупывали друг друга: кто Главный? Даничка метил на первенство и нравственное влияние.

Боря был младше Данички, но с замашками лидера. Он отстаивал свою независимость, бросался в бой по каждому поводу, если чувствовал хоть малейшее ущемление своих прав. Даничка почти никогда не нападал на Борю первый и с кулаками, он использовал всяческие словесные обороты для обиды Бори. Он начинал изощрённо показывать Боре, что его презирает, не признаёт его равным себе, произносил какие-то дразнильные слова и для большей обиды объединялся с Элей. Вместе они ещё сильнее подтрунивали над Борей. "Маленький, глупенький, не умеешь, не понимаешь, наелся сладкого." Чтобы доказать себя, Боря бросался драться. Отругаться ему не удавалось, потому как Даничка был великий мастер в нащупывании слабых мест, и не только Бори. Он обыгрывал Борю в словах, и тогда Боря отвечал руками (как часто бывает между мужем и женой, показывающей мужу, что он неправ.)

Даничке Боря всё-таки уступал, а вот с родным братом Элей они сражались по-чёрному, по-братски. Сидят или мирно бегают по саду и вдруг затеют ссору из-за любого пустяка. Нередко заводят такие потасовки, что кажется, просто растерзают друг друга, однако дойдут до какой-то точки и как ни в чём не бывало через пять минут вместе смеются. Я уже знала по опыту, что дети находят в потасовках просто забаву и удовольствие, но мне от этого знания не становилось легче, а приходилось растаскивать их по разным комнатам.

В одиночестве своих комнат долго они не остаются, и через короткое время перебираются друг к другу. Наступает затишье, союзники спокойно играют в разные игры, компьютерные или ещё какие-нибудь. Но в игре начинается

соперничество, и игра оканчивается ссорой. Мирное время проходит. Не успеешь оглянуться, как Боря угощает Элю пинком, отпихивает и захватывает пульт управления. Эля, улучив момент Бориной расслабленности, толкает и щиплет Борю сзади, Боря бросает управление, и Эля овладевает пультом. Прибегает Даничка, обливает Элю из водяного пистолета, вырывает пульт, и управление переходит в Даничкины руки. К чему призывать? К какому здравому смыслу? Идет борьба за власть.

Наступило время, в которое я выжила только потому, что у меня была тяжелейшая депрессия после смерти Яши, - грохот и шум от детей, играющих на всём, что было в доме, который мы арендовали, возвращал меня к жизни. Хожу по дому в полном безразличии подавленности, без желаний и с одной только мыслью - исчезнуть, как вдруг приходят дети - весёлые, шумные, радостные, требующие. Моя пустота заполняется их желаниями, их смехом, их ссорами. Они требуют от меня присутствия, они во мне нуждаются, и я - в них. Если бы не было детей, я умерла бы от депрессии, а если бы не было депрессии, то - от детей.

Всем, у кого наступает депрессия, советую - взять на воспитание нескольких детей, желательно живых и подвижных. И тогда не нужно никаких антидепрессантов, одно только раскачивание на люстре троих мальчиков заменяет несколько таблеток, а драки - целый мешок.

Мы снимали дом в Бостоне у музыкантов, уехавших на летний период гастролей. В эти три месяца у нас были концертный рояль, два пианино, один клавесин, три скрипки, пять гитар, один барабан и четверо мальчиков. Барабан мы с Лёней в первую ночь спрятали, чтобы он не попался на глаза композиторам, укрыли одеялами, а на следующий день увезли в гараж к соседям, которые любезно согласились поддержать этот шумный инструмент до возвращения хозяев.

Отстояли мы неприкосновенным концертный рояль, заклеив его со всех сторон, и хотя Боря попытался пробраться внутрь рояля и уже было начал хватать струны, но Илюша его

оттащил. Скрипки заперли в шкафу. Клавесин передвинули спиной к желающим его испытывать. Дебютантам мы рекомендовали тренироваться только на наших инструментах и не трогать чужих. Мы пригласили учительницу, чтобы научить их правилам игры. Втроём и по очереди они барабанили по нашему пианино так, что до сих пор пианино в себя придти не может, хотя ещё живёт: учительница музыки тоже живёт, потому что быстро от наших детей отказалась, хотя мы хорошо платили за уроки.

После отставки пианино пришли гитары. Ещё до присоединения союзников Даничка брал три-четыре аккорда на гитаре. Потом, делая вид, что он умеет играть, дразнил братьев. Боря и Илюша тоже захотели по гитаре. Мы купили. Побегали они с гитарами, побренчали, струны поотрывали и выбросили. Остатки одной до сих пор валяются на чердаке. Словом, шумное лето мы проводили в первый год присоединенья союзников.

Музыканты, у которых мы арендовали дом, часть ущерба, нанесённого непомерным интересом мальчиков к музыке, простили, понимая, что дети шибко интересовались музыкой, и даже пригласили всю нашу семью на оперу "Евгений Онегин", в которой они участвовали, открывая музыкальный Бостонский сезон.

Перед походом в театр я уговорила всю команду снять шапки и устрашающие кофты-майки, приврав, что их не пустят в театр в таком виде. Они надели на себя одежду и мы поехали.

Торжественная обстановка в фойе подействовала на наших слушателей успокаивающе и несколько прибавляюще. Оглядывая зал, они величественно прошли на места, которые были во втором ряду в центре зала. Во время короткой увертюры они замерли и притихли. Я про себя думаю, что всё-таки ничего, музыка окажет на них воздействие. Открылся занавес, и декоративно предстал сад в доме Лариных, на сцене запели девицы-красавицы. Кто-то из моих мальчиков хихикнул, краем глаза вижу, как Боря толкнул Элю, тот

ответил, началась тихая потасовка... "По мосту, по мосточку по калиновым досточкам"... Массовые события на сцене приглушили их разногласия, и наступило затишье. Ну, думаю, хорошо, досидят. Всё-таки музыка...

"Я люблю вас, я люблю вас, Ольга!" - разнеслось по залу объяснение Ленского... Детей не слышно... и не видно... я искоса взглянула на них... рядом два пустых кресла. Где они? Но они точно уже не сидят, а лежат под креслами. Я вижу: Боря и Даничка под стульями... бесшумно тусуют друг друга. На сцене действие, а под креслами лёгкое сопение. "Что, если они разойдутся в полную силу?" Я толкнула кого-то из них ногой в бок. Непонятно, кому из них достался пинок, но они расцепились. И через секунду мимо моих ног поползли. Сначала прополз Даничка, за ним Боречка. Они пробирались ползком по ногам сидящих на выход. Замыкал ползущее шествие Эля. Друг за другом они проползают вдоль всего ряда.

"Зачем, зачем, вы посетили нас..." обращается Татьяна к Онегину.

Я уже не могу слушать и смотреть, что происходит на сцене, а слежу за передвижением союзников. Они доползи до прохода, никого не раздражив до шипения. Все сидящие, казалось, умилялись, глядя на это проползание. Потом по проходу уже не ползком, а на четвереньках они прокарабкались вверх, и темнота их скрыла. Как пробирались дальше и как вышли из зала? - я уже не видела.

В перерыве мы их отыскивали в буфете, где они обсыпали друг друга поп-корном, брызгались из трубочек кока-колой и бегали друг за другом. Все они были грязные, мокрые и весёлые.

По дороге домой они хихикали. Боря сказал, что он сосчитал, что двадцать восемь человек было на сцене. Даничка широко открывал рот, брался за сердце и передразнивал актёров. "Куда, куда вы удалились..."

Они смеялись без умолку, все вместе пели, толкались и хохотали. Из звуков музыки у них не родилась трагедия.

Такое весёлое наслаждение от оперы ни Чайковский, ни исполнители представить не могли, сочиняя драматическую историю, хотя, может, Пушкин и поохотал бы вместе с ними.

Оперные наслаждения мы больше им не предоставляли и не испытывали музыкой. Музыкальное воспитание и музыкальное развитие наших мальчиков пошло на самотёк. Они без нашего ведома полюбили Мадонну в лифчике и подвязках, танцующего Майкла, резкие звуки, ритмы, рэп, а не Баха, - клавишин был отодвинут к стенке.

Стена самовыражения

Не получились композиторы, то пусть будут художники! Может, реализуют семейные художественные задатки? Ещё в Хьюстоне мы отдавали Даничку на обучение рисованию в созданную художником Фимой Ф. частную детскую школу. Занятия он проводил у себя в доме во дворе у бассейна. Мы купили для Данички мольберт, краски, бумагу и даже холсты. Фима основательно объяснял, что необходимо художнику.

Во время первого занятия Даничка разложил мольберт и рисовал всё, что придёт в голову, самовыражался в виде хвостатых коней с ковбоями, индейцев в перьях и разбойников с пистолетами. Фима сказал, что в его школе нужно начинать не с выражения себя, махать кистью как попало, а учиться водить кистью по правилам, изучить законы света и тени, свойства красок и рисование начать с пустой бутылки. Две совершенно пустые бутылки буро-чёрного цвета вышли из-под Даничкиного карандаша. Потом к ним присоединился красный горшок из глины. К четвёртому или пятому занятию Даничка, освоившись с бутылками, горшками и со всей

домашней утварью, не выдержав больше буквального подражания натуре, перешел к яркому самовыражению - на этот раз своей первой любви. Он нарисовал девочку, мольберт которой стоял рядом с его, с взъерошенными волосами, с метлой и с хвостом - ведьму, и хотя сходство ведьмы и девочки было весьма отдалённое, но он подписал Julia и показал ей. Юля не оценила такого дерзкого признания, схватила рисунок, отбежала с ним в сторону и разорвала. Даничке не понравилось неприятие портрета и отвержение. Он подбежал к Юле сзади, намереваясь спихнуть её в бассейн, она ловко уклонилась, и художник сам свалился в бассейн вместе с объяснением и с визгом. Выскочив из воды, Даничка побежал за возлюбленной вокруг бассейна. Мольберты и краски сами попадали в бассейн, и Фима временно уволил Даничку с занятий.

И хотя интерес к рисованию у Данички ещё оставался, но постепенно он трансформировался в полное самовыражение - бросать краски как попало и на что попало, набивать гвозди вверх ногами на подошвы. Этот способ рисования ему пришёлся по душе, и тому у нас много свидетельств.

Усовершенствовал он своё художественное самовыражение в наистарейшей школе Америки, "Гавернор Даммер".

Расскажу немного про такие изысканные школы Америки. При переезде из Хюстона в Бостон, предыдущая школа "Ст. Джонс" отыскала и рекомендовала для Данички четыре школы в окрестностях Бостона (две из них в соседних штатах) достойных для продолжения его обучения, чтобы он себя по-прежнему чувствовал избранным. Эти школы, как лицеи: в них дети учатся и живут, и только по уикендам забираются домой. Я вместе с Даничкой объехала все четыре посмотреть, подать документы и выбрать, вернее, не выбрать, а какая из школ выберет Даничку, предоставив ему большую стипендию. После визита в каждую из этих школ я плакала. Не потому, что нас там оскорбляли или плохо встречали, нет,

совсем наоборот... - от потрясения. Я ничего подобного не видела в России нигде и никогда. Мой Ленинградский университет по красоте зданий не уступает таким школам, но по богатствам владений, он - как бедный родственник у этих миллионеров. Эти школы владеют пароходами, радиостанциями, стадионами, бассейнами, зданиями, домами, лесами, землями, церквями, часовнями, кухнями, кафетериями. Школы расположены в самых избранных по красоте местах: на берегах океанов, озёр, в садах и парках, с отдельными зданиями для каждого предмета, со всем, что только можно себе представить для приятного обучения. Я представить не могла не только того, что бывают такие изысканные места в природе для обучения, но и размер платы за это. Стоимость обучения и содержания ребёнка в год - годовая зарплата начинающего профессора. Мы выбрали "Гавернор Даммер" потому, что там дали стипендию семь тысяч долларов, и оставалось доплачивать "только" десять. Эта школа, расположенная на севере штата, на границе со штатом Нью Хэмпшир на берегу Атлантического океана, была основана чуть позже Гарварда губернатором Даммером, и в свои зарожденческие времена воспитывала студентов для лучших университетов - оканчивающие её прямым ходом шли в Гарвард. Со временем богатство стало вытеснять способности из школы, и в Даничкины времена редкая особь добиралась до Гарварда - все прямым ходом шли в бизнес. Мамы и папы учеников оставляли им такое хозяйство, что уже никакого смысла не оставалось участвовать в гонке соревнований и тем более заниматься физикой, математикой, науками, которые полностью захватили безнаследственные иммигранты: китайцы и русско-еврейские ребята.

Итак, Даничка начал обучаться и жить в Гавернор Даммер. В первый год он жил с "рум-мэйтом" (соседом) Матом, а во второй год каждый школьник жил в отдельной комнате и Даничка тоже (чему до бесконечности завидовал мой муж Лёня, учившийся в Новосибирском университете и живший с "рум-мэйтами" до аспирантуры). На этом же этаже

рядом с Даничкой жил их воспитатель и учитель, днём и ночью наблюдавший за детьми. Но не думайте, что это была жилплощадь учителя - это был его офис. Все учителя имели на территории школы дома, которые больше всего у меня и вызывали горечь сожаления - все мои родственники в России были учителями, но домов у них не было.

Я отклонилась от темы о художественном воспитании Данички. Для искусства, скульптуры, живописи, рисования в школе было отдельное здание новейшей постройки из стекла и бетона. Стекланная крыша освещала всё помещение, в котором чего только не было!

Даничка забыл свои рисунки, и мы с ним зашли в этот художественный салон-помещение. Там никого не было, и я всё рассмотрела. Сколько света с потолка! Краски всевозможных видов и упаковок, в тюбиках, в банках, холсты, ватманы, аэрокисти-разбрызгиватели красок, разбрызгивающие тонкими и толстыми слоями эмали, два стола для шёлкографии, столы с присосками, столы с отсосками... Всё красиво стоит вдоль стен на столах и полках. Середину зала занимают мольберты. Постояв в изумлении, я взглянула на то, что висело по стенам, на готовую продукцию. Тряпки с приклеенными газетами, скомканные разрезанные фотографии, набитые на чучела, сделанные из лохмотьев картинки, перекрашенные вдоль и поперёк. Размалёванные уродливые башмаки... Ни одного следа обучения, ни света, ни тени. Порывы детей-самоучек?! Я спросила у Данички:

- Почему у вас такой ужас на стенах? Вы что-нибудь рисуете?

- Мы самовыражаемся, - ответил Даничка и заулыбался.

- Вас чему-нибудь обучают?

- "Она" сама не знает, как рисовать, - спокойно объясняет мне Даничка про учительницу живописи и рисования.

- А как же её взяли в школу преподавать искусство? - недоумевала я.

- Они (он имел в виду руководителей школы) тоже не умеют рисовать, и как они узнают, что она не умеет? - отвечает Даничка. - Она говорит: как хотите, так и делаете! Выражайте себя.

- Как автоматы!?

- Автоматы, мама, делают, что люди им говорят, а мы - что хотим! И автоматами брызгаем краску.

- В одной из русских юмористических книг кто-то из героев, или сам Остап Бендер, делал картины из волос, мозаику из гаек, винтиков, костылей, бросал по холсту овёс из лукошка, а лошади художественно выедали и доводили картину до полного совершенства - оставался пустой холст. Ваша школа достигла уровня русского авангарда.

Всю обратную дорогу в Бостон Даничка сохранял приличное спокойствие, а я размышляла, что же лучше: с палкой стоять и показывать свет и тень? Или предоставить возможность брызгать красками во все стороны для наслаждения? А если кто захочет быть художником - то пусть сам карабкается и учится? Свербило во мне: уж это слишком, ну, хотя бы что-то. Эти бессмысленные обмотанные чем попало палки-скульптуры, забрызганные холсты?! Нелепое гримасни-чанье. Как будто один корчит рожу другому. Хотя Даничкин отец Яша был художник-абстракционист и теоретик беспредметной живописи, но от высшего выражения себя в искусстве в Даничкиной школе я несколько растерялась. Было неуместно говорить об утере прекрасного и возвышенного.

После того, как Даничка научился само-выражаться, он уже не хотел познавать законы света и тени. И хотя мы сделали ещё одну попытку обучения его живописным приёмам и отдали на учёбу к художнику Саше Ануфриеву, владеющему искусством свето-тени, Даничку уже нельзя было приучить сидеть на одном месте, мучиться тенью и светом. И нельзя было остановить его брызжущее самовыражение.

Как попало он перемешивал свет с тенью, путал все краски, раскрашивал всё подряд, но, если исследовать

Даничкино творчество, то чётко можно выделить в его художественных поисках отдельные творческие скачки.

К ранним периодам поисков, помимо "гор-шкового" и "бутылочного", можно отнести "маечный", происходящий не от слова "маялся", а от слова "майка". Он и Эля, который тоже прошёл курс свето-тени у Фимы в Хьюстоне, раскрашивали майки. Они брали воздушные кисти, заправляли их самыми разными красками и выплёскивали краски на белые поверхности маек, высушивали и потом уже подрисовывали чёрной или белой краской что-нибудь страшное, паука или скелетик. Но однажды Даничка на одной из маек нарисовал трёх медведей, используя зачаточные знания реалистического показа действительности. Три зелёных медведя, лежащие на белом полотне и задравшие лапы кверху с подписью "братья", стали украшать спины наших мальчиков. Более того, майка с этим рисунком в Даничкиной школе на конкурсе красоты и необычности рисунка выиграла первое место и стала символом школьных спортивных маек.

После "маечного" в Даничкином творческом самовыражении выделяется "графически-досковой" период, происходящий от слова "граффити", не путайте со словом "графика", имеющего общий корень, но без тяжёлой трудовой нагрузки, и от слова "доска", но не как предмета раскрашивания, а как средства передвижения. Этот период характеризуется интенсивным заполнением свободных пространств стен города Бостона и окрестностей графическими каракулями. Даничка набивал рюкзак красками самых разных цветов, некоторые неизвестного происхождения, но отдельные куплены за собственный Даничкин счёт, и на доске (skate-board) отправлялся на поиски пустых городских стен. Иной раз к нему присоединялся Эля, но где-то на местах, потому как на доске он бурно не передвигался из-за ноги, сломанной в детстве. Они раскрашивали всё, что попадётся под руку, как-то попался трамвай и был раскрашен. Этот весёлый трамвай проехал по всему Бостону, радуя художников. Потом трамвай вымыли

ацетоном, смыв экспрессионную живопись, и теперь только на фотографиях можно увидеть это свободное самовыражение. Хотя можно было бы удивить публику трамваем на выставке в музее современного искусства.

Свободных художников как-то застали полицейские за творческой работой на крыше, где они раскрашивали трубу общественного здания. Полицейские имели честь привезти художников на служебной машине домой. Блюстители чистых стен предупредили, что художники должны получить разрешение "лайсенс", как на ловлю рыбы или убийство оленя, на раскраску свободных стен города, потому что свободных художников много, а свободных стен мало, и рекомендовали встать в очередь. Наши стали в очередь и ждут, когда освободится какая-нибудь стена или какой-нибудь забор.

А пока они тренируются дома, и на втором этаже в Даничкиной комнате появилась стена самовыражения, расписанная Даничкой при участии Эли. Стену мы сохраняем как свидетельство свободного творческого выражения, созданного любовью разбрызгивать краски. Приходите смотреть!

Чистота и её последствия

Одним январским вечером Даничка звонит из школы совсем неожиданно посередине недели:

- Мама, мне мистер Шапиро сказал, чтобы я тебе позвонил! - плача говорит мне Даничка.

- Даничка, что случилось? Что? - спрашиваю я.

- Мы с "руммэйтом" делали что-то нехорошее...

- Что? Что? - с ужасом спрашиваю я (в голове молнией промелькнула мысль о "нехорошем").

- Курили марихуану, - отвечает Даничка.

У меня будто камень с души сняли.

- Ну, ладно, хорошо, больше не кури, - пожурела я Даничку, не в силах скрыть радость от снятия чудовищного подозрения...

Проходит некоторое время, и мистер Шапиро спрашивает Даничку:

- Ну что, ты позвонил матери?

- Позвонил, - отвечает Даничка.

- Что мать сказала?

- Она сказала, как хорошо, что я не гомосексуалист! - объяснил мистеру Шапиро Даничка, хотя я ничего такого не говорила.

- Да?! - сказал мистер Шапиро. - Странные эти русские. Курить марихуану - против закона, а гомосексуализм - это генетическая предрасположенность.

Когда Даничка передал мне заключение мистера Шапиро, я призадумалась: кто же страннее, русские или американцы? На одних весах - закон, на других - чувства. И до сих пор для меня загадка - рассчитал Даничка, как меня напугать? Или потом в моём голосе ему послышалось облегчение от "чего-то нехорошего"? Про другие "загадки" я смущаюсь говорить, потому что запутаюсь и наговорю всяческой чепухи. С одной стороны, я за свободу и чистую любовь, а с другой, как подумаю, что мои мальчики... будут страдать от всех, уж лучше пусть только от слабой половины человеческого рода. Поэтому я избегаю говорить на эту тему, хотя, казалось бы, понимаю мужчин - как тяжело преодолеть этот чудовищный барьер непонимания между двумя полами! Одним словом, я боялась, вдруг мои мальчики не преодолеют этот страшный барьер и останутся по ту сторону понимания женщин, в полном незнании прелестей сталкивания двух волей с разными знаками.

Лёнины мальчики меня больше беспокоили, чем свои, потому что они были до невозможности чистые и жутко красивые. Даничка тоже был хорошенький, но настолько вне чистоты и порядка, что по этому параметру не подходил под мои опасения.

Какими только способами Даничку ни приучали в школе к чистоте и порядку! Проверяли ежедневно сложность вещей в комоды - вся одежда должна лежать в ящиках по порядку и по назначению ровными стопками. Наказывали, не отпускали домой и даже заставляли неподвижно сидеть десять-пятнадцать минут перед воспитателем, если обнаруживался беспорядок в комнате или в комоды. Даничка не поддавался! В школе он ещё кое-как

собирал вещи в определённую последовательность, но дома с генетической предрасположенностью он не справлялся. Его комнату покрывал равномерно-накиданный слой, состоящий из самого разнообразного материала от трусов и маек до всего, что только можно себе представить: книг, красок, бумаг, тарелок, носков. Тут и там на поверхности этой толщи возвышались отдельные холмики новейших отложений, последних накидов, ещё не успевших аккумулироваться и достигающих уровня письменного стола.

Как-то наш приятель Миша захотел в комнате у Данички посмотреть хоккейный матч, и хотя я его предупредила, что там беспорядок, он ответил, что его не удивить творящимся в комнатах у детей. Однако к Даничкиному телевизору ему так и не удалось пробраться. Чтобы остаться незапятнанным, нужно было раскачаться на канате, повиснуть над банками и распылителями красок, не угодить ногами в стоящие канистры с растворителями, и Миша не смог приземлиться на хоккейном поле.

В глубине души меня этот беспорядок утешал. У Лёни на счёт Даничкиной предрасположенности была другая, но тоже утешительная точка зрения: он считал, что Даничка готовится к миллионерству и уборкой помещений не собирается заниматься.

А вот Боря и Эля несколько волновали - мылись пять раз в день, правда, это ещё не такой страшный показатель, а свойство всех американцев, меняли одежду два или три раза в день, это тоже ещё ничего, но когда они взялись гладить носки и всю одежду складывать, заботиться о чистоте и опрятности - сами стирать, гладить и складывать бельё в стопочки - это становилось подозрительным. Зайду в их комнаты - у каждого в чулане стоит по гладильной доске и утюгу, чистота, всё убрано, развешано в чёткой последовательности, каждый носок со своей парой лежит в ящике под кроватью скрученный. Что и думать не знаю? Я не приучала их к такой стерильности, не моя генетическая предрасположенность, и

более того, всегда настороженно относилась к повышенной аккуратности. "В доме ни сориночки - скучно на периночке..."

А тут носки гладятся! Всё в наилучшем порядке - аж, нехорошо делается. Пугающая чистоплотность!

Но вслух я их хвалю, в качестве награды и чтобы отвлечь от чистоты, предоставила возможность Эле взять котёнка, которого он хотел. Соседская кошка согрешила, и котят раздавали и предлагали всем окружающим. (При наших переездах кота Васю из-за его обаяния и ума зажилил наш друг режиссёр Димент и переименовал в Луи, чтобы кот нас не узнавал.) Для Эли я опять повторила все "котовые обязанности и ответственности за кота".

Он котёнка посмотрел, погладил, подумал, и на следующий день произнёс: "Нет, я не хочу ответственности за кота." На этот раз я тоже не взяла, потому как мне вполне хватало четверых мальчиков и новой работы. Кот у нас не появился, а появился интерес к девочкам. Вместо домашних животных завелись девочки. Чистота в комнатах уменьшилась. Я поняла, что трёхмерное пространство мальчики нарушать не собираются, а останутся в обыкновенном измерении.

Юз Алешковский, наблюдая развитие наших мальчиков, в сердцах сказал:

- Мы в их время ещё драчили, а они...уже... (все догадываются, какое слово хотел употребить наш знаменитый писатель).

- Свободно развиваются, - радостно закончила я.

От музея до Фенвэя

Моя подруга Лена, ценитель и коллекционер картин, приехав в Бостон из Канады, захотела посетить музей Изабеллы Гарднер. Зная всех наших детей ещё по Хьюстону, она предложила не оставлять их невежественными, а взять их в музей.

- Они ведь тоже коллекционеры, помнится, Илюша собирал бейсбольные открытки, - пошутила Лена.

- Они и сейчас собирают. Скоро создадим целый музей Бейб Руфа, - ответила я.

- Кого? - спросила Лена.

- Это знаменитый бейсболист тридцатых годов из команды "Янки", как мне рассказал Илюша - основатель нашего домашнего музея. Братья-коллекционеры продолжают его традицию: начатые им сборы бейсбольных и футбольных карточек пополняются, в коллекцию подкупаются новые экспонаты, отдельные из старых обмениваются. Постерами бейсбольных игроков украшаются стены, а различными видами бейсбольных шапок - головы коллекционеров.

- Давай покажем бейсбольным коллекционерам другие существующие в мире коллекции. Может, заговорит врождённое влечение к красоте? Может, на них подействует этот великолепный дом, выстроенный в стиле венецианских дворцов с изящной внутренней галереей, с садом под стеклянной крышей со скульптурами и цветами? Может, они впечатлятся картинами художников? Рембрандта, Корреджио, Тициана, Рафаэля?

И мы решились. Лена была женщиной мужественной и решительной и не боялась ходить с детьми по музеям.

Это был второй коллективный выход в пределы искусства - после посещения оперы. До этого всех вместе мы их водили только в Макдональдсы, китайские рестораны, мороженицы и разные забегаловки, где им предоставлялась не духовная пища, и хотя они успевали проползти под столами и что-нибудь выкинуть, но в полную силу не расходились, боясь потерять привилегии питания в общественных местах, и вели себя на грани приличного.

Радостно-возбуждённое чувство вызвало у наших коллекционеров название музея: "Двор на Фенвэ", потому как на этой же улице было их любимое здание бейсбольного стадиона "Фенвэй Парк". Там они проводили часы наслаждений. Их туда водил Илюша.

Как только мы подъехали к музею, бейсбольные коллекционеры стали оглядываться по сторонам, ища глазами свой Фенвэй. Боря первым разглядел на горизонте громадные осветительные стенды с лампами, и закричал, показывая на крыши: "Вон он!" Пришлось подождать минут пять, пока любители бейсбола наслаждались зрелищем торчащих вышек с лампами. Вид у них стал такой, будто бы они увидели что-то необыкновенное. Может, так они будут смотреть и на картины? Боря, после того как отвёл взгляд от вышек, нежно погладил скульптурного льва, охраняющего вход во "Двор на Фенвэ".

Как только мы вошли в музей и Лена остановилась перед портретом госпожи Гарднер, все дети сразу куда-то исчезли.

В жёлтой комнате Лену привела в восторг картина Веронезе: портрет женщины в чёрном, с прекрасным выразительным лицом, полным глубины и правдивости. Пока мы им любовались, Боря очутился на третьем этаже галереи. Он махал нам рукой с маленького внутреннего балкончика, окружённого каменными колоннами. Немного постояв на балконе, он куда-то скрылся, а мы пошли через испанский коридор в жёлтую комнату, поднялись в маленький салон госпожи Гарднер и увидели через дверь, что в комнате Рафаэля около Пиеты происходит какое-то шевеление. "Не иначе, как мои коллекционеры там что-то творят," - подумала я, и мы туда прошли. Около рафаэлевского портрета Графа Томмазо старый служитель гонялся за Борей.

Боря, показав нос графу, крадучись, перебежал в другой зал. Служитель со спокойно-весёлым видом перешёл за Борей и, казалось, стал играть с Борей: видно, ему так надоело бессмысленно стоять около картин, что эта маленькая шалость Бори доставляла ему некоторое развлечение в его скучной работе.

В маленькой голубой гостиной раннего Итальянского Возрождения около большого камина из пиренейского мрамора красного с белым Борю настиг молодой охранник, и Боря нырнул под голубой диван с обивкой, на которой была изображена охота. Мы подоспели в тот самый момент, когда служители увещевали Борю вылезти из-под дивана. Боря, на секунду выглянул оттуда, скорчил рожу, хихикнул и опять спрятался. Оба служителя - старый и молодой - недоумевали: как же извлечь наслаждающегося зрителя, который так комфортно устроился в музее под диваном? "Боря, вылезай, а то позовут полицию!" Не дожидаясь полиции, Боря вылез из-под дивана и, улыбнувшись, пошёл в буфет.

Тем временем Даничка и Эля в музыкальном зале госпожи Гарднер, увешанном изысканными гобеленами, с

креслами из орехового дерева, давали представление. Как написано в путеводителе, большим балом открылся музей в Новый 1903 год. Изабелла пригласила много гостей, играли музыку Баха, Моцарта и Шумана. И сейчас в этом зале, продолжая традицию Изабеллы, проходят вечерние камерные концерты. На постаменте стоит рояль, закрытый чёрным чехлом, и арфа в змееобразно изогнутой золотой раме. Наши мальчики тоже решили поддержать традицию.

Эля поднялся к роялю, встал около и начал дирижировать: махать руками. Он опускал и поднимал голову, подпрыгивал и время от времени делал вид, что перелистывает ноты. Бернстайн! А Даничка занял место около арфы и руками как бы стал перебирать струны и закатывать глаза. Он лицом и движениями своего тела изображал поэтические звуки этого нежного музыкального инструмента. Мифический бог ветров! Эолова арфа. Посетители, человек пять-шесть, сосредоточённо смотрящие в гиды, оторвали свои взгляды от сверения подписей к картинам и залюбовалась этим хэппэннингом. Вокруг наших мальчиков образовалась небольшая толпа, подошло ещё несколько человек. Две взрослые дамы так умильно смотрели на дирижёра и арфиста, что Лена мне сказала:

- Публика, видно, тоже из бейсбольных коллекционеров.

Концерт мальчиков закончился великолепными поклонами, которые Даничка так изысканно отвечивал, прилагая по очереди то одну руку к сердцу, то другую и сгибаясь при этом до самого пола. Это единственное умение, которым он овладел за семь лет изучения музыки. После концерта артисты ушли в буфет, и мы их встретили уже перед уходом из музея.

Вдруг они чем-то заинтересовались! Все три коллекционера остановились у восточной аркады, где стояли греко-римские мраморные фигуры. Боря что-то обнаружил, когда поднимал с пола какую-то бумажку:

- Смотрите, лев ест бэби!

Коллекционеров привлекла скульптура бронзового льва, съедающего ребёнка. Голова младенца из белого мрамора торчала из полусомкнутой пасти льва, лежащего на брюхе, а тело уже проглочено. Скульптура так незаметно стояла под античной колонной, чтобы её разглядеть, нужно смотреть на пол. Эля прилёг рядом с львом, разинул рот, развёл руки и рыкнул, пугая Борю и Даничку.

- Чем не царское блюдо? Мраморное мясо для бронзовой пасти. Истоки современного Голливуда уходят глубоко в историю, - сказала Лена.

Перед уходом из музея коллекционеры в саду Изабеллы, у мраморного фонтана с рыбами, успели ополоснуть руки в струях фонтана, идущих изо рта рыб, окружающих фонтан. Побрызгали друг друга фонтановой водой. Потом захотели достать набросанные на дне фонтана центы, но только намочили рукава, решив, из-за оптического обманного эффекта свойств слоя воды, что денежки близко, а всё обман, - денежки далеко, оптическое изобилие. Боря немножко посидел на небольшом чугунном китайском драконе, стоящем во внутреннем дворике. Посещение музея закончилось.

На обратной дороге коллекционеры попросили проехать мимо их любимого стадиона, мимо "Зелёного монстра" - бейсбольной стены, как мне объяснял Илюша, через которую нужно перекинуть мяч. Бывают такие триумфальные перебросы. И мимо треугольной красной рекламы давно не существующей фирмы "Citgo". Согласно молве, рекламу не снимают из-за внедрения её в бейсбольный бостонский миф. Она висит прямо за этим "Зелёным монстром", если смотреть со стадиона на мир.

Илюша водил союзников на бейсбол. Они относились к походу, как к таинственному и ценному мероприятию. Илюшу они слушались беспрекословно, и в день игры были тихими, спокойными, услужливыми.

Приходили довольные, махали битами, возбуждённо рассказывали, как какакой-то игрок выбил мяч через "Зелёного монстра" прямо на улицу.

- Почему так привлекательна бейсбольная игра? По-моему, это русская деревенская лапта? - спросила я у Илюши.

- Бейсбол в Америке - это мифическая игра, - сказал Илюша. - Американский миф. С бейсболом связана мистика в американской жизни. Эта игра представляет деревню в городе. Американцы считают её своей. Игра стала популярна в конце девятнадцатого века. Она вытеснила скачки, для которых нужны лошади, и бокс потому, что она ближе зрителям. Сейчас американский футбол становится более популярным из-за телевизора. Он более динамичен и приспособлен к телевизору. Но бейсбол всё равно на первом месте по посещаемости. Люди отдыхают, выражают свои эмоции и забывают свои проблемы. Все вместе едят хотдоги, попкорн, пьют пиво. В бейсбольной игре выходят агрессивные инстинкты. Хочется побить начальника, но нельзя, а на стадионе можно орать, кричать на судью и раскрепощаться. Через игру люди соприкасаются со всем миром!

С прикосновения к бейсбольной палке начинается соприкосновение со всем миром?

Пусть наши дети ходят на бейсбол и прикасаются к жизни хотя бы через мячи, бейсбольные открытки, марки, карточки, шапки, и если захотят кого-то побить, то пусть поорут на стадионе.

С палкой в руках, может, доберутся до соприкосновений с людьми и, другими способами, через книги, картины, искусство?

И, кто знает, может, откроется им волшебный мир прекрасного, уходящий в бесконечность, и начнётся обратный путь от Фенвэя до музея?

Мать - мачеха

В дни моего детства, бегая по полям и оврагам, я часто смотрела на крупные округло-сердцевидные листья, которые мне показала бабушка и сказала, что они называются "мать и мачеха". Сверху листья гладкие, холодные, голые - "мачеха", а снизу тёплые, нежные, беловолокнистые - "мать". Изнанка листьев, как я потом узнала, испаряет воду слабее их лицевой стороны, а потому нижняя поверхность листьев на самом деле теплее. Мы с девочками к щекам подносили эти листья и, прикладывая их разными сторонами к лицу, чувствовали разницу между матерью и мачехой. Никто из нас не хотел быть мачехой, и по сказкам мачеха всегда злая, выгоняет из дома хорошую Золушку, мучает и впивается железными когтями в белую шею панночке-русалочке, не даёт никому покоя на белом свете, и даже по растениям - от листьев "мачехи" веет холодом. И вот, сама того не ожидая, из меня получилась мать и мачеха. Травянистое растение из семейства сложноцветных с двухсторонними листьями. Про растение всё можно узнать: и на какой почве оно растёт, и как цветёт, и почему в народе так называется, и какие у него плоды -

семена с хохолком из мягких волосков. И растению никакого дела нет, понравятся ли нам его плоды и листья? Оно как есть - ко всем одинаково, у него нет сознания, и растение "мать и мачеха" не погибает от того, что его листья по-разному испаряют воду и имеют разные стороны.

А как про человеческую "мать и мачеху" что-нибудь выяснить? И как ею быть? И что делать в семье сложноцветных? И почему разными сторонами поворачиваются "листья" живой мать-мачехи к своим и не к своим? И как справиться со своей человеческой двусторонностью? "У двойного запаха сладость неуживчива." С кем посоветоваться? У каких мудрецов научиться? Кто из философов жил с чужими детьми? Женатым-то из великих мудрецов был только один Сократ, поливаемый помоями женой в назидание другим, чтоб не делали таких глупостей. С женщинами-то многим умникам "слабо", и они оказываются некомпетентными и неуклюжими, а тут ещё и чужие дети!

Сама выкручивайся, раз уж оказалась мать и мачеха в одном лице с двойными неуживчивыми чувствами. Думать не думала, что попаду в мачехи, потому как никогда не хотела усыновлять чужих детей, разве что по большой нужде. И не запаслась никакими мыслями, никакими знаниями. А если бы и запаслась, то что? "Выводы отвлечённой мысли" мало помогают в действительности.

И как это получается? И... почему? И почему мои двоюродные братья Вит и Боря, которых воспитывала мачеха, и они неплохо к ней относились, но как ушли в институты, так забыли, как её звали? Их мать Клавдия, моя тётка по матери, для них оставалась матерью, и они её навещали и заботились, а мачеху Марину больше никогда не видели. Клавдия отдала детей Марине совсем маленькими, и я помню, как её все осуждали, даже бабушка говорила, что Клавдия чёрствая и плохо поступила с детьми. Марина совсем не была "злая мачеха", она поддерживала их всяческие увлечения музыкой, литературой, и ребята сами считали... Я любила к ним приходить в гости в их большой дом в Келломяках, в котором

всегда было много молодёжи, и они называли его "пуп земли". Марина мне нравилась, она была весёлая и очень красивая, как царевна-лебедь с картины Врубеля, с длинными роскошными волосами. Когда Вит написал свой первый рассказ, то Клавдия скептически сказала, что этот рассказ "ясное дело, Вит у кого-то списал", а Марина восхитилась и поверила, что у Вита необычное чувство юмора, и сказала, что он должен развивать свой талант. Отец моих братьев, граф Григорий, так они его называли, большой зануда и директор мебельной фабрики, женился на Марине, поступившей к нему на фабрику совсем молоденькой девочкой, и расстался с красавицей Мариной, прожив с ней, кажется, лет пятнадцать. Братья говорили, что Марина не вынесла занудства графа, и они её понимают, они всегда ей сочувствовали и были на её стороне, когда граф дотошничал. Но и братья с ней расстались, и не потому что плохо к ней относились, а просто так, по случаю жизни. Я помню, как я встретила Марину на улице и она просила передать Виту и Боре, чтобы они к ней заходили, расспрашивала, как и что с ними, продолжает ли Вит играть на пианино и пишет ли он свои смешные рассказы, играет ли Боря в теннис, собирает ли марки? Она сказала, что снова вышла замуж и счастлива во втором браке, но часто вспоминает Вита и Бору, с которыми провела свои молодые годы и которых приняла, как сыновей. Марина на прощание вспомнила песенку, которую ребята сочинили: "О, как люблю я Келломайки! Ведь Келломайки - пуп Земли!" Братья на мои слова посетить Марину сказали "хорошо бы", но закрутились в вихре повседневной жизни, навсегда забыв свою мачеху.

Монарх, по словам Наполеона, даже если он проиграет битву, возвращается королём, а правитель должен всегда выигрывать.

И я не король. И не мать, а мачеха. Свои дети и не свои. У Марины не было своих детей. А у меня?!

- Вы не хотите стать матерью для Лёниных детей, - говорит мне приятельница, собирающаяся присоединить к

своим детям ребят своего мужа, а мой Алик будет отцом для моих!

Вот у людей какие планы! Стать отцом, стать матерью для чужих детей. Всем хочется всегда быть правдивее всех, умнее всех, добрее всех. Мои милые двоюродные братья Вит и Боря не превратились в сыновей Марины, несмотря на всю её открытость, разбег и разлёт. У каждого есть своя двусторонность.

- Ты должна их полюбить, - говорит мне моя подруга Дина Дукач, на мой вопрос: "Как же мне жить с Лёниными детьми?"

- Сказать-то легко, а пережить трудно, - так говорил мой сын Илюша, правда, по другому поводу. Полюбить не своих детей. Наверно, я должна, но как?

"Слышишь, мачеха звёздного табора - ночь, что будет сейчас и потом?" И что будет сейчас и потом? И сейчас и потом хочу улыбаться. И сейчас и потом хочу быть любимой. И какой же выбрала мачеха путь к этой цели? У подруг и соседей следует расспросить. Мучает ли мачеха своих пасынков? И какой характер у мачехи? И почему так много резвостей "им" разрешается?

Чего только не услышите, если станете расспрашивать!

Взрослый Илюша на вопрос, как обращается мать и мачеха с младшими детьми, ответит, что всё ею одобряется, что детей ни к чему не приучают, неправильно воспитывают и держат без всякой строгости. И Лёня и мама совсем их распустили.

Если спросить милую соседку, только что окончившую колледж и проживающую рядом с нашим домом, что она думает про нашу семью, ответит: "Как только эти русские въехали в дом, то их дети закидали мою машину яйцами. Я сама так делала в детстве, но мне жаль мою новую машину, от яиц остались пятна. Родители детей заплатили за перекраску машины без всякого суда. Больше я ничего про них сказать не могу. Я их редко вижу, только когда дети в футбольной форме идут вдоль улицы."

Сосед, занимающийся политикой в нашем районе, познакомился с нашими детьми, когда они, идя на футбольную тренировку и перекидывая на ходу мяч, разбили стекло в его гараже. Он изъяснился о нашей семье табличкой: "Осторожно дети!" Этот знак повесили по его настоянию через несколько дней после нашего вселения в дом.

Подруга Людочка вспомнит эпизод из скворечника, нашего первого дома в Бостоне. Мы с Людочкой пили кофе на кухне, в пространстве, где стоит плита, но оно открыто и соприкасается со всеми комнатами и по горизонтали и по вертикали.

- Дина, посмотри, - говорит мне Людочка, - Боря крадётся к холодильнику, может, позовём его к столу?

- Людочка, - отвечаю я, - Боря ползёт за пятой порцией мороженого и хочет быть незамеченным, и я его - не вижу. Зачем мне "искать того, кто найден быть не хочет"? Буду настырничать, они меня возненавидят.

- Это своеобразный метод воспитания, - замечает Людочка.

- При этом методе я сохраняюсь.

- А если он что-нибудь плохое сделает, ты тоже не увидишь?

- Смотря что... Если ерунда какая-нибудь, то не замечу. Не положил чашку на место, и ладно... Я изо всех сил стараюсь не делать мелочных замечаний. Если же что-нибудь совсем некрасивое, то даю понять, что это плохо для него.

- Что значит "для него"? А для других?

- Я всё понимаю только через себя и думаю, что и другие тоже. Я говорю и Боре, и Даничке: не вредите сами себе! а любите себя! Тогда и другим что-нибудь перепадёт от вашей любви. Всё двухстороннее, и кто себя не любит, то уж подавно не может рассчитывать на других.

- Интересны твои рассуждения. У тебя эгоисты вырастут.

- И хорошо! Только слово "эгоизм" неправильное. Любовь к себе и эгоизм - это разное. Всё себе заграбастывать, это - не значит себя уважать.

Вчера Даничка звонит из школы, что... Я ему говорю: "Даничка, думай только о себе". А он мне отвечает: "Мама, здесь все так только и делают!" И я ему по телефону "прочла лекцию" о разнице между бессознательностью и сознательной любовью к себе. О том, что люди любят свои удобства, свои командирства, свои пирожные - а не себя.

Пока мы разговаривали, Боря прополз несколько раз взад и вперед и съел всё мороженное, никому не оставив. Проявил любовь к своему аппетиту?! К себе? Что же ты о братьях-то не позаботился?

- Я оставил маленький кусочек для Эли, а Даничка не любит мороженное! - сказал Боря, когда я журила его.

- Боря, за этот маленький кусочек, который ты оставил Эле, я тебе сейчас пойду и куплю целое ведро мороженого, какого ты хочешь! Клубничного? Шоколадного?

После этого случая Боря ел мороженное вёдрами, всегда оставляя немножко Эле, если тот отсутствовал.

Если послушать Игоря Димента, которого дети обожали за всяческие шутки над ними, то он скажет, что в Америке дети - "телевизионные ящики" - не спускающие глаз с телевизоров, мало читают, и наши тоже. Видя, что книгами в комнатах у детей подпёрты окна, он подарил Даничке на день рождения полное собрание Шекспира. То, что мальчишки съедают торты и пирожные, приготовленные для гостей, само по себе Игорю нравилось, как выражение презрения к эмигрантской публике, но сладости вредны для здоровья, и он стыдил их за пожирание конфет и сахара и призывал к здоровым продуктам. В конце концов они поддались его натиску и даже начали меня воспитывать, чтобы в доме не водилось жирной еды.

Моя подруга Заира, осетинская красавица, добрая и милая христианка, скажет, что она никогда бы не взяла чужих детей на воспитание, даже если бы обожала мужа: слишком уж

большая плата за любовь. "Я смотрю и удивляюсь, как трудно быть мачехой,- говорит мне Заира, - как воспитывать не своих детей в христианских традициях, когда у них такое буйное поведение?"

- Я стараюсь найти и выделить хоть малейшее проявление "человеческого" в их поведении, - отвечаю я Заире. К примеру, на днях Боря уступил своё спальное место другу Крису, который у него ночевал. И я так расхваливала Боря за благородное поведение, что думаю, и в следующий раз он таким образом "подумает о себе" - поступит по-христиански.

- По-твоему, получается самым выгодным "для себя" христианское поведение?

- Яша так считал.

Одни и те же слова и поступки у одних вызывают восхищение, у других неприязнь.

- Ну, кто про меня может сказать что-нибудь плохое? - чистосердечно спрашивает наша знакомая Мила, уверенная в своей непогрешимости, хотя все знают, что она прирожденная лгунья и обманщица.

- А про меня сколько хочешь наговорят! - горестно отвечаю я.

- Ну, про тебя-то! Конечно!

И она права, чего хочешь можно услышать.

Моя ближайшая соседка - милая, приятная, знающая нас несколько лет - поделилась со мной своими наблюдениями о нашей семье:

- Я знаю, почему дети с вами живут.

- Почему?

- Ваш муж Лёня не хотел платить алименты, и его жена вам их отдала. Детей нечем было кормить.

Признаюсь, я не ожидала такого поворота, в голову не может прийти, тем более подруге, которая живёт за углом и, казалось бы, знает меня и Лёню. В Америке разведённые родители борются за "кастоуди" - за право, с кем дети будут

жить, и... разведёшь руками, когда услышишь про себя совсем тебе противоположное.

Что же хотела сказать моя соседка? Мы говорим словами, но за ними что стоит? - "Не думай, что ты такая хорошая, воспитываешь чужих детей (что и правда в этом нет ничего хорошего), не воображай, что ты лучше всех, я всё равно лучше тебя. Я добро-детельнее, чем ты." И так каждый себя считает. И жалит, и жалит другого своей добротой. Что же ожидать от "злых"?

А если спросить самих детей?

Илюше было три с половиной года, когда он, лёжа в своей комнате мечтательно рассуждал: "Мама - дура! Папа - дурак! Я один хороший и умный!"

Уж если маленький сын считал себя хорошее и умнее, то что остаётся другим? А ещё я удивляюсь! Все учат: и мать, и мачеха, и друзья, и приятели, и соседи, и дети.

А как Даничка однажды раскусил мою двойственность и поставил мать на место! Он попросил меня по телефону передать через Борю для него деньги. Они шли вместе к Крису на день рождения. Увидев Даничку через несколько дней, я его спрашиваю:

- Тебе Боря передал деньги?

- Да, передал, - отвечает Даничка.

- Сколько? - спросила я. Укоризненно посмотрев на меня, Даничка произнёс:

- Мама, он брат мой!

Стыд за моё подозрение, за то, что я высказала своё недоверие Боре, и подспудная гордость за Даничку, принявшего Борю как брата, смешались в моей душе - "он брат мой."

Кто же я?

А если спросить у Бори и Эли, как живётся вам с мачехой?...

Ранней весной сразу из-под снега подземное ветвистое корневище растения мать и мачехи выпускает наземные стебли, на которых распускаются маленькие жёлтые цветочки.

На нашем холме ещё снег, корни растений ждут тёплой погоды, и первыми по весне распускаются фиолетовые крокусы и красные тюльпаны.

"В чём соцветии истина?"

"Чёрные" взгляды сестры

Моя сестра Оля приехала к нам в гости из России, как только появилась возможность таких путешествий. Она приехала во время детских каникул. Всякий человек, приехавший из другой культуры, из другого мира, узнаёт и видит что-либо, чего другие не знают и не замечают по причине привыкания. Оля была учительницей, но с юмором и без настырности своих воззрений.

О своём первом входе на нашу американскую кухню и знакомстве с нашими детьми она мне рассказала, когда я вернулась с работы:

- Выспавшись после всех перелётов и временных перемен, я пошла на кухню выпить кофе. Вхожу - темно в глазах, целая кухня негров! Один шарит по холодильнику! Два лазают по полкам! Я онемела, а они мне по очереди: "Привэт!" по-русски. Я стою. Рот от удивления не могу открыть. Я ничего. И они ничего. Шарят и шарят. Тот, который лазал по холодильнику, взял пакет сока, и заглянул под стол. А шурующие по полкам рылись между тарелками и кружками, достали какие-то банки и стаканы. Самый такой

лохматый, с космами, будто грива у деревенского нечёсанного коня, ополоснул стаканы под краном и, проходя мимо меня, улыбнулся: "Привэт!" И всё - в кухне никого нет. Несколько минут я стояла, не шевелясь. Потом появились Боря и Эля, и они вместе с неграми ушли. Это так у негров принято в чужом доме - по чужим холодильникам шуровать? Они голодные? Так всё съедят.

- В Америке открыть холодильник в другом доме - это как руки помыть: человек хочет попить и берёт, - сказала я сестре.- Мне тоже неприятно видеть, как детские гости шарят по холодильнику, я не так волнуюсь, что они что-либо съедят, а скорее мне стыдно за беспорядок в холодильнике. Что же касается негров, то это не негры, а чёрные - "африкэн-америкэн" и друзья наших детей.

Сестра посмеялась:

- Эти чернющие, причернющие, наичернейшие негры меня очень напугали! Целая кухня! И никого из твоих.

Я опять повторила Оле:

- Говорить слово "негр" нельзя, оно считается оскорбительным.

- Они понимают, что ли, по-русски? По-моему, слово "чёрный" ещё хуже, чем негр, как "чернь."

- Может, и хуже, - ответила я, - но я боюсь раздражить детей. Они мне запретили употреблять это слово, замечать цвет кожи и уж, тем более, болтать расистские замечания.

Сестра всё выслушала, посмеялась, рассказала пару смешных историй и спросила Даничку:

- А очень умные негры бывают?

Даничка на неё посмотрел презрительно и ничего не ответил.

Я вместо него ответила:

- Пушкин.

А моя подруга сказала:

- Армстронг, - и повторила моей сестре всё то, чему меня учили мои дети, а её воспитывали собственные.

На следующий день, когда я вернулась с работы, Оля мне рассказала:

- Сегодня Пушкин с Армстронгом не приходили в кухню, кажется, они вообще сегодня не заходили в дом. Даничка помог мне зажечь газ и отыскать продукты. Всё, что нашла и знала, я положила в борщ, и такой решительный борщ получился - с маслинами, каперсами, приправами всего, что только есть в мире. Я изощрялась, как могла, на второе приготовила голубцы в сметанном соусе. От еды шёл запах по всему дому. Ну, думаю, сейчас я порадую детей обедом, и позвала их поесть. Они по очереди заглянули в кастрюлю, чем их собираются кормить, и каждый из них скорчил такую мину при виде моего борща, будто я им предложила жареного крокодила. Боря обозвал мой роскошный борщ "капустой в воде", а голубцы "капустой в масле". Даничка сказал, что "русская еда жирная", - и я онемела от моего кулинарного неприятия. Даничка, правда, попробовал голубцы, сказав, что его в Израиле бабушка кормила чем-то подобным, а Боря и Эля даже не притронулись. Что они едят?

- Видишь набор коробок? - сказала я и показала полку со стоящими в ряд корешками.

- А я подумала, что это книги по кулинарии с такими разрисованными картинками, - удивлённо произнесла Оля.

- Это различные виды сухой каши, которую разбавляют тёплым молоком.

- И это они едят каждый день?

- Содержание их самое разнообразное, и чего туда только не напихивают! Помимо пшеницы, овса, риса, ячменя, там встречается всё: орехи, мёд, кусочки сухих папайя, изюм, листья ягод. В некоторых коробках по мере съедаемого можно отыскать и солдатиков, и куколок, и звёздных героев. В миске может разыграться целая битва. А какие обложки! Книг не надо читать - такая реклама по телевизору! Боря внимательно следит за модой на популярный в этом месяце "сирил", который заказывается, потом купленный выходит из моды, и появляется следующий. Некоторые приходятся по вкусу и

остаются, не вытесняя предыдущих. Случается, что я отстаю моды и продолжаю покупать немодный, и набирается целая компания, располагающаяся на полках. У Ели и Данички есть свои любимцы, одним словом, каждый ест из своего пакета. Полная независимость от приготовления еды. И не бери в голову, что они не едят приготовленную тобою пищу.

Через несколько дней сестре пришлось увидеть ещё одну пищевую независимость и битву за негров.

У Данички был день рождения, а у Бори появилась чёрная подружка, которую я не пригласила.

- Мама, ты всех пригласила, а Джин нет, - говорит мне Даничка, - потому что она чёрная и ты, как все русские, - расистка! Как ты можешь! Мне за тебя стыдно!

- Я забыла.

- Не будь лаером!

Я чувствую, что теряю в его глазах... мне неприятно, крутится в голове "лаер, врун", и я в растерянности. Что же сказать?

- Даничка, я не расист, я - сноб. Я её не приглашаю из-за снобизма. Она не читает книг и нет у неё интересов к возвышенному. И она поэтому мне не нравится.

К моему удивлению, Даничка принял мои объяснения, битва за негров была прекращена, а с меня снято обвинение в расизме. Сестра, разинув рот, выслушала нашу беседу и сказала:

- Дети тебя держат в чёрном теле. Ты скоро почернеешь! У нас краснеют, а у вас чернеют.

- Подожди немного, и до тебя доберутся. Мы приезжаем из России злые, и любое проявление либерализма считаем коммунистическим направлением. Мы боимся потерять, что мы приобрели, кажется, мы владеем опытом, но наш опыт, - как объяснял мне Яша, - это опыт рабов. Негры тоже были рабами, но они освободились почти сто лет назад, а мы только на днях. Дети растут в другой атмосфере, и, чтобы они меня не презирали, приходится лавировать и подавлять в себе банальные инстинкты. Илюша, обращаясь к моей

сознательной части мышления, говорит, чтоб я работала над собой, и для развития во мне чувства приличности дал прочитать книгу: "Свобода и рабство в Америке", в которой показывается, что если бы не было в Америке негров, то не было бы и свободы, потому как все были бы слишком одинаковые.

- Теоретически я понимаю, - отвечает сестра, - но чувствую пределы моего понимания, и вот то, что за пределами моего понимания - "запредельное" или, как говорят, "бессознательное", - подступает и... шебуршится.

- Давай накрывать на стол!

Ко дню рождения мы купили всяческой американской закуски, и сестра с изумлением смотрела на приготовления к празднику, на "чипсы с дипами", "хотдоги" для грила, большой торт серобурмалиновой раскраски, бумажные тарелки и полиэтиленовые стаканчики - всё, как просил Даничка. Ничего мы с Олей для них специального не готовили. Дети развесили вдоль деревьев, растущих около дома, туалетную бумагу и воздушные шары. Накрыли столы во дворе.

Начали приходить Даничкины гости.

Олю поразила одежда мальчиков, не говоря уже о девочках.

- Это так все приходят на праздник!? - удивилась она. - Я думала, что в Америке все одеваются красиво и прилично. А тут, оказывается, напяливают на себя всё самое страшное.

- Это только кажется, что всё такое страшное, на самом деле все эти лохмотья довольно дорогие, и самая страшная мешковина - самая престижная. Щёгольской одеждой считается списанное военное одеяние.

- Я им в другой раз престижных холщовых мешков с военных складов привезу, пусть разделяют. Я видела вчера, как Боря с Элей безжалостно кромсали вдоль и поперёк новые голубые джинсы. Изрезали ножницами джинсы сикось-накось, и этого мало, они кинули их в хлорку. Не в них ли они вырядились!? А ты им покупаешь хоть какую-то одежду?

- У меня право покупать для них только белые носки и чёрные трусы. Носки я покупаю в таких несметных количествах, что как-то приятельница спросила, увидев тонны закупленных носков: "Они у ваших детей одноразовые?"

Каково же было Олино удивление, когда она заметила, что Даничкин приятель Роб пришёл на день рождения со своей едой. Он сам себе разогрел и спокойно съел своё принесённое. Оля никак не могла поверить, что так бывает, и спросила у Данички:

- Почему твой приятель принёс сам себе котлету?

Даничка ответил:

- Роб хотел это есть!

- Но ведь он пришёл к тебе на день рождения!

- Он хотел хамбургер, а думал, что у меня только "хотдоги", и себе взял хамбургер! Вы приходите с бутылкой вина, а он с хамбургером!

Удивилась она и тому, что хлеба дети никогда не употребляли и хлеб к еде не подавался.

- Боря, а ты знаешь что такое хлеб? - спросила Оля.

- Да, знаю, - ответил Боря, - это сорт пиццы.

Вечером в новостях по телевизору показывали заседание парламента в одной африканской стране, несколько белых присутствовало на этом заседании. Лёня спросил: "Почему там белые?" Оля ответила: "Их приготовили на ужин!" Я засмеялась, Даничка сверкнул глазами и на меня, и на Олю, просто растерзал взглядом! Оля стала оправдываться, что, мол, это такая шутка, как в анекдоте. Хорошо, что Лёнины дети не поняли, а Илюши не было в комнате.

- Даничка, мне негры даже нравятся, они весёлые, открытые, - продолжала оправдываться Оля. - Они похожи на русских, - тоже, наверно, не могут приспособиться к безумному темпу американской жизни.

Даничка, расслабившись, сказал совсем спокойно:

- Вас могут побить чёрные, если услышат, как вы говорите. В Хьюстоне в школе, когда меня дразнили "коми", я дрался.

- Это что значит -"коми"? - спросила сестра.
- Так дразнят коммунистов, - ответил Даничка.
- Скажи, Даничка, а евреев дразнят? - поинте-ресовалась сестра.

- В Хьюстоне в школе дразнили.

- Как?

- Мат, посмотри, пени покатилося... У тебя длинный нос, потому что воздух бесплатный...

По мере того, как приближалось время её отъезда, Оля достаточно наудивлялась в Америке, смеялась, что её никто не изнасиловал, хотя предупреждали, что каждую минуту насилуют, никто не ограбил, хотя тоже советовали прятать кошелёк. Но больше всего удивилась, когда услышала, что в Америке бывает "домашнее изнасилование". Она сказала об этом Даничке:

- Я не верю, что бывают "дэйт рэйп": знал человека, пришёл на свидание, и он тебя изнасиловал - это большой обман. Я была в Сибири в экспедициях среди одних мужчин, которые по полгода не видели женщин, и никто никогда меня не насиловал, и более того, мне никто из женщин не жаловался. Если кто и попристаёт, то шуганут, и всё...

- Оля, ты как чёрная, - сказал ей Даничка, - они тоже так считают, - дать сдачу мужику, и он отстанет. В белых семьях девочку воспитывают бояться мужчин... И если парень скажет: У... У...У..., то девочка считает, что всё... - её насилуют!

- Видишь, Даничка, разве твоя тётка может быть расисткой, если у неё чёрные взгляды, - произнесла "почерневшая" Оля.

- Привэт!

Зимние забавы

После рождества вся наша семья выезжала кататься в Белые горы Нью-Хэмпшира. Два или три часа, в зависимости от накала ссор между детьми, ехали мы в машине до Лунных гор, отрогов Белых, прикрепляя лыжи на подтяжках к крыше автомобиля и усаживая троих детей на заднем сидении. За время езды несколько раз машина останавливалась и съезжала на полосу крайней необходимости. Лёня увещевал детей, что не может управлять и вести их в горы для приятных забав, пока не прекратятся разногласия и потасовки. Угмонив детей и поправив лыжи, машина выезжала на дорогу для дальнейшего продвижения в сторону гор и развлечений.

В год присоединения сестры Оли, оказавшейся в Америке в пору нашего лыжного времяпровождения, наш автомобиль проскользнул путь до гор с одной только остановкой. Лёня провёл с детьми предварительную беседу о том, что толкаться в машине, когда впереди сидят три человека, - не следует. Он говорил, обращаясь к каждому из них, пока они укладывали и таскали вещи, прикрепляли лыжи. Лёня поругал их заранее даже без напоминания. "Напомни мне

поругать Борю", - говорил Лёня, часто забывая о таком неприятном удовольствии.

В дороге Оля хотела поменяться местами с Даничкой, сидевшим на заднем сидении, но Даничка ответил: "У меня тут сэндвичи!"

От удивления сестра не могла ничего возразить, думая, что в Америке есть такие особые сэндвичи, которые привязываются к месту, которые нельзя переносить, и села впереди. Долго потом Оля вспоминала об абсурдных Даничкиных сэндвичах, вернее, о таком абсурдном ответе и ввела в разговорку при отказе и нежелании что-либо делать: "Я не могу - у меня тут сэндвичи."

Дети всю дорогу тихо жевали сэндвичи, и с остановкой в винно-ликёрном безналоговом магазине Нью-Хэмпшира мы доехали до отеля.

Не без удовольствия мы вошли в двухэтажную квартиру в отеле с балконом и окнами, выходившими на ручей и на лилово-дымчатые горы. Такую роскошь мы позволили себе в первый раз.

Утром, ни свет ни заря, дети проснулись и приготовили себе горячий сидр и сэндвичи.

Надо сказать, что умение быстро приготовить самим себе еду свойственно всем американским детям: раз-раз, схватят что-нибудь из холодильника, разогреют и - никаких беспокойств. Особенно любил готовить Даничка. Он артистически-изошрённо кидал всё, что есть в доме, на горячую сковородку, подкидывал несколько раз содержимое, и минут через пять-десять - готовый продукт. Любимым его блюдом были макароны, или, как тут выражаются, "паста", с приправами всего, что есть на свете. Все мечтали отведывать Даничкиных изысков, но за эти отведывания всегда нужно было кому-то расплачиваться: не только мыть всю посуду и убирать, но и вынимать использованные ложки-поварёшки из холодильника, шкафов, соскребать со всего окружения соусы, снимать с потолка и вентилятора улетающие макароны. Моя подруга художница Алида соскребла однажды целую картину

из кетчупа с потолка, помогая нам привести в порядок потолок таунхаузной квартиры.

Желание скорей оказаться на горах подняло их, и... они уехали, не дожидаясь нас, на автобусе-подкидыше, объезжающем места поселений лыжников. Взрослый состав нашей семьи приехал к тому моменту, когда машину нужно было оставлять за долами, и подъезжать на другом подкидыше к началу развлечений.

Оля удивилась, что все бросают свою одежду в раздевалке: "Неужели никто не украдёт? У нас бы ничего не осталось".

Я и Оля пошли "брать уроки" скатывания с гор, вернее, я пошла помогать Оле выполнять требования инструктора. Парень, который обучал Олю, был швейцарцем, и, узнав, что она из России, проявил к ней особое внимание, наверно из-за того, что не любил американцев? Как он выразился, "американцы совсем некультурные и необразованные". Каким образом он определил, что Оля, ни слова не знающая по-английски, "культурная" и "образованная"? - я не знаю, но Оля быстро присоединилась к его мнению. А может, потому что она слишком скоро освоила торможение, привыкнув в России к невероятным трюкам и изощрениям, или, как говорит бабка в анекдоте, освоив позицию "стоять в раскорячку". Что правда, то правда, уже через час образованная и культурная Оля спускалась с горы, расставив ноги и выпучив глаза. Можно было видеть, как швейцарец при спуске делал изысканные движения, его ноги сливались в единое целое, пружиня, едва скользя, и за ним, по касательной к горе, очерчивая зигзаги от края до края, ехала Оля, скрестив ноги в коленях, расставив руки с палками и замирая от страха. Но не падала! Знай наших!

Во второй Олин спуск мимо нас пронеслась ватага наших лыжников. Как они промчались! Кружась со скоростью торнадо, подпрыгивая - да так, что снег аж взывал под их лыжами и расступался, они летели цепочкой друг за другом. Оля и я остановились посреди горы и следили за их

полётом. Освещённые и белизной снега, и солнечными лучами, несущиеся люди в одежде самых фантастических окрасок, казалось, разрисо-вывали снег, как белую бумагу, своими движениями, и весь склон горы представлял живую, движущуюся абстрактную картину. На Боре была красная шапка с хвостом, на Даничке жёлтые штаны с чёрными полосами, а на Эле зелёная куртка в крапинку. Они без страха скакали и подпрыгивали через маленькие горки и взлетали под небеса. Мы успели только ахнуть, как они уже оказались у подножья горы и слились с толпой, ожидавшей поднятий.

Наши мальчики потому хорошо летали по горам, что были натренированы, освоив взлёты и подкидывания на досках-самокатах. В первый месяц после приобретения дома в Бостоне они соорудили в гараже трамплин из фанеры и по нему взлетали с визгами вверх и вниз, наводя ужас на тех редко проходивших мимо дома людей, а больше всего на нас с Лёней. И тогда Лёня настоял, чтобы это сооружение они выбросили вместе с прикрепленным к гаражу кругом - сеткой для баскетбола. Это были наши победы в борьбе за тишину и безопасность. Шум от баскетбольной игры перешёл в парк, а от досок - в специальный стадион для досочников.

Поднятие на высоту происходило на подвешенных скамейках. Я и Оля дрожали от страха, повиснув над горой. Однако через какое-то количество проездов привыкаешь висеть над горой и спокойно зависаешь, глядя на скользящих под тобой лыжников.

Мы спускались по самому тихому и несложному пути, названному Олей "Бродвеем", вдоль ручья, идущего под уклон в два или в три градуса. Встав на него, можно было ехать до бесконечности. Бродвей был узкий, с обеих сторон сжат крутыми скалистыми горами. Ветки сосен образовывали над головою свод, и лыжник оказывался будто в галерее со стеклянной крышей. Иногда мелькала тень редкого заблудивше-гося аса, исчезающая раньше взвизга его лыж, и долго только точки поднятых палок очерчивались в воздухе.

Скатывались мы спокойно и скатывались. Но мальчики затащили меня с Олей на самую большую гору... на гондоле. Как мы оказались в ракете, сами не знаем. Захотели испытать горную высоту? Новые ощущения? Или поддались комплиентам ребят, что прекрасно катаемся? И вот стоим на вершине. Дух захватывает от открывающейся перспективы. Сверху кажется, что гора покрыта стаей мотыльков, с дрожащими, волнующимися крыльями. И где-то внизу все сливается в чёрные точки, пятна, разбросанные на белом снегу.

Как спустаться? Дрожим от страха!

Свой страх и беспомощность мне хотелось сильнее оттенить перед ребятами, чтобы они больше стали дорожить своим мужеством, чтобы почувствовали себя лучше, защитниками и покровителями.

Даничка сказал, чтобы мы не боялись, что они будут показывать нам самые безопасные спуски, по которым можно ехать зигзагами. По дуге склона Даничка поехал первым, потом я и Оля, сопро-вождаемые с одной стороны Борей, а с другой - Элей. Проехав с таким эскортом первый склон, не упав и ни на кого не наехав, мы остановились около большой ели, чтобы перевести дух. Впереди был крутой, почти вертикальный спуск, где нельзя ни остановиться, ни зацепиться. Тут уж наш страх не нужно было оттенять, тут и правда мы дрожали от страха. Тут Родос, тут и прыгай! Летите вперед и ждите нас под горой! Мы будем спускаться на задних тормозах. И мне, и Оле удалось такими безнравственными движениями пере-ехать этот склон, оставив на снегу широкие следы. Как только мы дотормозили до того места, где нас поджидали дети, они приняли нас под своё покровительство, и мы хорошо дали им понять, что одоление страха создаёт храбрость и веру в себя.

- А почему я не видела африкан-американ на Белых горах? - спросила Оля.

Даничка ударил в меня глазами, ярко блестящими при освещении отельной лампы. Сестра пожала плечами и повторила вопрос:

- Я просто спрашиваю. Ничего не имею в виду.

- Это довольно дорогой вид спорта, и большинство африкан-американ занимаются баскет-болом.

- Наверно, им ещё и холодно, приехав из жаркой Африки... - Чувствуя, что разговор может зайти в неприятное, я быстро пригласила сестру в клуб.

В пенистой, бурлящей джакузи Оля забыла свои вопросы и только время от времени просила: "Сфотографируйте меня, ведь никто в России не поверит, что я сидела в такой американской пене!"

Придя домой, Оля сказала детям, что в бассейне много подростков. Даничка сказал ребятам по-английски, что в джакузи пришли midgets, он слово "под-ростки" понял по-своему решив, что это карлики. Даничка часто использовал в своей русской речи прямые переводы с английского: "Я уже слез с телефона!", "Я взял трамвай". Один мужчина, к которому Даничка обратился на "ты", сказал, что ему нужно говорить "вы", Даничка решил, что этого человека зовут "Вы". "А почему Вы не пошёл с нами гулять?" "Я и три девка из школы..."

Вечером мы взяли для просмотра американский фильм, комедию, которую можно было смотреть почти без всякого английского, с маленькими переводами, и Оле захотелось узнать, как переписать фильм на свой видеомагнитофон, чтобы отвезти в Россию. Даничка на это её желание сказал:

- Это против закона!

- Ничего не понимаю! Они что, охраняют законы? - недоумевала Оля.

- Оля, я всегда этому удивляюсь. Они меня отучили щипать цветы на прогулках, переходить улицу в необозначенных местах, смотреть на людей по-русски... У них баловство другое, культурное, обходительное, с извинениями и улыбками, даже у самых необразованных.

- Вижу, что в Америке нет свободы, как у нас: кури где хочешь, рви что хочешь, писай где хочешь, и посылай каждого куда хочешь, без всяких извинений! - посмеиваясь, произнесла Оля.

Я эти слова не перевела для мальчиков, а решила, когда они подрастут, отвезти их в Россию, чтобы они сами посмотрели на русское свободное развитие и на русские развлечения.

Пять дней зимних забав прошли, никто ничего не сломал, и вся семья в целости и сохранности вернулась.

А Оля увезла в Россию фотографии детей с пеной, водой, снегом, сэндвичами и американскими законами.

Язык самовыражения

В свои детские времена Илюша спросил:

- Мама, а на каком языке мы разговариваем?

- На русском.

- Он что, самый лёгкий?

Я тогда ещё не знала, что он настолько лёгкий, что улетучивается насовсем в Америке у детей и у отдельных инфантильных взрослых, и остатки от бывшего лёгкого превращаются в такое тяжёлое, что язык не поворачивается во рту. Этой тяжести дети не хотят выносить, и, чтобы удерживать улетучивание, родителям приходится предпринимать различные усилия и ухищрения.

Илюша как-никак закончил два класса обучения в российской школе и несколько закрепил лёгкие слова, а вот Даничку, покинувшего родные места в три года, нужно было предохранить от полного улетучивания. Нам помогла наша подруга Дина Дукач, взявшая нашего Даничку на сохранение и развитие у него русского языка. Дина преподавала в Москве русский язык для редакторов, и Даничка попал в самые изысканные и культурные руки и произношения, и точек, и

запятых. Динина младшая девочка Инна занималась вместе с Даничкой. И хотя наш изучальщик любил больше хулиганить с Иночкой и не рвался обучаться, но, с одной стороны, - Дина находила привлекательные методы - выдавала пряники за выученные слова, а с другой, - Яша за невыученные давал "подзатыльники", и Даничка мало-помалу овладевал могучим языком.

Параллельно с серьёзным обучением с раннего детства Даничка знакомился и довольно быстро обогащался выразительным русским языком у поэта Константина Кузьминского, выразительность русского языка которого, выходила далеко за пределы официальных стандартов. Даничка проводил уикэнды, когда мы приезжали в Остин, только у Кузьминских. Он получал там всё: опозитизированный русский язык, веселье с собаками и полное восхищение от Эммы, которая обожала Даничку почти так же, как любимую собаку, - русскую борзую Негу. У Кузьминских Даничка знакомился с подпольным русским языком, и если к Кузьминскому приходили студенты, изучающие русский язык, или, случалось, брали интервью, и Костя, естественно, смягчал свою речь незнакомыми для них словами, то Даничка помогал с переводами. Кузьминский гордился своим учеником и разрешал ему прыгать на своём брюхе.

В день рождения поэта, когда над Остином летал самолёт с приветствием для Кости на русском языке: "40 лет К.К.К. - это не хуй собачий", американские студенты и гости обступили Даничку и просили перевести, что же это значит? Что написано на самолёте? Даничка перевёл: "Сорок лет Косте - это не день рождения собаки!"

После переезда в Бостон Даничка продолжал обучение русскому в "ставке Солженицына", как я называла летний детский лагерь, организованный отцом Андреем Трегубовым в Клермонте для детей Александра Исаевича. Андрея и Галю Трегубовых мы знали по тем временам, когда они были художниками. В Америке они были приглашены работать к Соженицыным воспитателями детей. Они придумывали

всяческие способы сохранения родного языка, и мои дети попали в этот оплот русского языка и культуры на территории Америки, чему я была очень рада. Галя ещё в самом начале своей учительской деятельности организовала переписку между Даничкой и Игнатом. Они обменялись несколькими письмами, фотографиями и подарками. Переписку, говорят, скоро опубликуют за большие деньги.

Даничка и Илюша провели в "ставке" два сезона - Илюша как воспитатель, а Даничка как "простой подчинённый". Лагерь был на озере. Они ставили спектакли на русском, читали, рисовали, выпиливали и изучали закон Божий. Даничка, вернувшись из лагеря, так охарактеризовал обстановку: "много хороших людей я там встретил."

Александра Исаевича я там не встретила ни одного разу, однако Серёжа Довлатов создавал легенду, что я возлюбленная Солженицына, то ли делая Исаевичу комплимент, то ли приравнивая его к себе по заинтересованности земным и спуская с небес безгрешности.

После двух летних лагерей, проведённых Даничкой среди русского языка, он укрепил свой язык, который с тех пор у него не улетучивается. А после визитов Юза Алешковского обогатился и не улетучивается его подпольный словарный запас, заложенный Костей Кузьминским.

Наступили времена, когда Даничка звонил мне из школы, и по телефону всегда разговаривал только по-русски. Я его даже спросила:

- Ты не боишься, что тебя будут дразнить "коми"?

- Что ты, мама, они все мне завидуют, что я говорю на другом языке! Я специально говорю по-русски.

Дожили до того, что говорить на русском языке стало престижно, а знание его стало приносить пользу.

Даничка рассказал, как однажды он ехал в трамвае с приятелями и на скамейке сидели две русские тётки и осуждающе на них смотрели.

- Мама, только русские так могут смотреть! Одна говорит другой, думая что никто не понимает по-русски:

"Посмотри, Фаня, на этих американских подростков, какие они некультурные, нечёсанные, плохо одетые, на всех шапки задом наперёд. А черномазый-то распустил какие лохмы! Эти черномазые такие нахалы... и вся американская молодёжь."

- А вы, бабушки, на себя посмотрите! Вы такие красивые! - громко произнёс Даничка. Бабки онемели, а Даничка с парнями вышел из трамвая.

У меня и самой было несколько подобных ситуаций, когда я была на месте бабок и открывала рот, думая, что меня никто не понимает. Даничка мне запрещал "смотреть на людей по-русски", как он выражался, и говорить гадости про американских людей в их присутствии, даже если они ничего не понимают по-русски. Часто хотелось, но в присутствии своих детей я не могла себе позволить такой роскоши.

Одним из первых нормальных заработков Данички было запаковывание людям продуктов в магазине. Среди покупателей были русские, не знающие по-английски, и Даничка для них переводил, знакомился с привычками и взглядами. Менеджер повысил Даничке зарплату за привлечение покупателей в магазин. И хотя русский язык не стал для Данички языком самовыражения, но оказался большим подспорьем в жизни.

Лёниным детям Боре и Эле пришлось сложнее с сохранением русского: не было твёрдой руки в обучении русскому языку, дружбу с Солженицыным они не водили, и дети достались мне необученными. Русский язык у них начисто улетучился. Я с ними говорю по-русски, а они отвечают по-английски. Решили всё-таки сохранить крохи и остатки русского языка и отдали их на обучение. Два раза в неделю я начала возить их к одной учительнице, которую кто-то порекомендовал, наверно, не занимаясь у неё.

Все помнят советскую школу вместе с учителями и методами их обучения? И позор, когда тебя выставляют перед всеми и ругают, и унижают. Или "ставят в пример" - тебя все возненавидят. Сравнить можно только с "идеями", а не с конкретным человеком, так говорили философы задолго до

рождения советской школы, но в нас такую развивали зависть и ненависть к людям, что мне так и не избавиться ни от того, ни от другого. Всё сваливаю на воспитание.

Ребятам попалась дурная советская учительница, давала какие-то невысказанные задания, какие-то падежи, склонения, залого, не восхищалась их успехами, и они наотрез отказались к ней ездить. Я не настаивала.

- Что же это они у вас по-русски не говорят? - спрашивали меня.

- Не хотят.

- А вы что, не можете их заставить?

- Могу, но не хочу.

- Почему же?

Выученными скверными словами, запятыми, точками, падежами - совершенным русским языком они пошлют меня на три точки, на любую букву в любой бемоли, красиво играя на пианино и говоря о возвышенном в искусстве.

Моя собеседница плохо на меня посмотрела.

Дети так и остались необученными.

Простите меня, мои свободные художники!

Психологические игры

Боря, самый младший из "союзников борьбы со взрослыми", отстаивал свою волю и независимость и дома, среди братьев, и в школе, среди учеников. Если дома он получал от братьев на орехи, то в школе не все могли давать сдачу, и он превысил дозволенные лимиты - дрался больше, чем полагалось, и на него поступили жалобы. Я ему честно сказала, что мне тоже часто хочется побить кого-нибудь, но я сдерживаюсь - таковы условия существования человека в обществе. Каждый человек внутри себя должен бороться с "априорной злонамеренностью человеческой природы", как считает великий философ Иммануил Кант, и потому люди находятся в обществе под влиянием морали, которую придумали в течении многих веков. Существует целый список добродетелей и пороков. Боря выслушал меня внимательно и решил, что у него есть поддержка в лице меня и Канта, и на следующий день побил ещё двух человек. Его выгнали из школы, а нас вызвали к директору.

Директором школы оказалась красивая женщина и, как мне показалось, симпатизирующая Бориному независимому поведению - она была чёрная, "африкэн-америкэн", и чтобы добраться до такого большого поста, видно, ей самой пришлось хорошо подраться и потолкаться. Чего вообще не приходится выносить?!

Во время визита она сказала, что школа обязывает Борю пройти курс психологических исследований и тестов. (Это такое американское наказание для детей и родителей.)

У Бори будут проверять корни зарождающихся агрессивных инстинктов, влияние родителей на произрастание этих корней - не подвергали ли его сексуальным насилиям? Какие сны видит Боря? Квадраты или кольца?

У школ есть своя сеть психологов, социологов, целый центр советов и консультаций, последователей великих психологов Юнга, Фрёйда, Адлера, которые устанавливают, подходишь ли ты под нормы для людей. У каждой корпорации, у каждой профессии есть свои тесты для исследования происхождения дерзкой независимости и приведения врождённой человеческой природы в нормальное русло. В Америке можно наблюдать, как популярна наука психология, и хотя часто в психологи стремятся самые непсихологические люди, но, начиная исследовать слабые места чужой психики, они укрепляют свои собственные. Кажется, Боре и попался один из таких укрепителей.

На приёме мы увидели молодого Психолога с усами и неподвижными глазами, ничем не выделяющегося чиновника из конторы.

Как он может справиться с нашими архаровцами? - подумала я. Только если у него самого депрессия.

После стандартных вопросов Психолог приступил к изучению Бориной психики. Начал он с проверки памяти.

Он достал из папки картинку, на которой нарисован пейзаж с деревьями и домом, молча посмотрел на часы, быстро спрятал картинку под стол и, подождав по часам пять минут, спросил:

- Что нарисовано на картинке?

Боря отвечает молчанием.

Психолог обвёл всех значительным взглядом, что-то записал и достал другую картинку, на которой нарисован только один чёрно-белый кот, снова посмотрел на часы и спрятал картинку. Через пять минут повторил вопрос:

- Что нарисовано на второй картинке?

Боря молча ухмыльнулся, Эля хихикнул погромче и подтолкнул Борю. Вместе они потихоньку начинают смеяться.

Психолог несколько не смущается, он записывает что-то в свою тетрадь.

О полном идиотическом отсутствии памяти у присутствующих? Или о заразительности эмоцио-нальной реакции?

Я сама на грани заражения и едва сдерживаюсь, чтобы не присоединиться к парням. Написав пол-странички, Психолог смотрит на Борю и на Элю. Они переглядываются друг с другом и всё ещё хихикают. Лёня их успокаивает, и Психолог переходит к более серьёзным картинкам.

Он достаёт почти-что абстрактное творение со множеством красных точек, выглядевших, как разбрызганные капли крови, и произносит:

- Боря, посмотри, на что похожи эти красненькие кружочки? Как тебе кажется?

Картинка была с подковыркой: что, дескать, увидишь, так и попадёшься. Боря, взглянув на капли крови, иронично произнёс:

- Крылья бабочек!

От такого изысканного Бориного ответа Психолог впал в некоторое размышление. Видно, не ожидал, что Боря увидит крылья бабочек. Закалённого кровавыми боями и убийствами по телевизору нашего Борю на кружочках не проведёшь, не поймашь на красненьких точечках! Кажется, Боря сбил Психолога с панталыку, как-то перепутал его задуманную схему, что-то не подходило в поведении Бори под выученные концепции. Психолог размышлял.

Следующая картинка была про ограбление банка: захочешь ли ты грабить банк? Ребус с проверкой: кого ты будешь убивать при ограблении банка? И если будешь, то кого? Я сама не могла разгадать: кого правильнее убить, чтобы не попасться в графу агрессивности? И не поняла, кого

Боря убил на картинке, но, кажется, Боря правильно кого-то закрасил, потому что в неподвижных глазах Психолога промелькнул научный интерес: наконец-то, обнаружилось у Бори "вытеснение злых побуждений!" Он удовлетворённо спрятал в ящик Борину расшифровку.

После запоминания и разгадок чужих картинок Психолог предложил Боре нарисовать собственные и вручил ему лист бумаги с карандашом. Боря должен раскрыть свои намерения в рисунках.

- Нарисуй дерево! - говорит Психолог.

Боря быстро рисует красивое дерево без сучка и без задоринки. Видно, как Психолог неподвижно уставил глаза свои на картинку и, минуту назад показавшееся в его глазах понимание подавленных из детства Бориных побуждений, моментально пропадает. Он хмыкнул и научно задумался.

Боря снова вышел из схемы: если бы он нарисовал дерево с дуплом, то точно есть детская травма, и всё можно начать сваливать на родителей, на условия и подтвердить модные исследования - о возмещении в жизни нанесённого в детстве ущерба, о вставлении в попу карандаша или подсматривании чего-нибудь непристойного. Но наш Боря - не механическая кукла и не укладывается в маленькое дупло или в домик на краю бумажки. Совсем не забытый родителями, он всё равно хочет всех бить. Как тут определить, откуда у него такие тенденции? Откуда берётся сильный лидер? Может, ему что-нибудь приснилось? Как присоединить Борю к схеме и как провести "идентификацию психического состояния ребёнка с бессознательным родителей"? Как не вспомнить, что ответил Фрёйд ученикам? Когда он вошёл в аудиторию с сигарой в зубах, ученики ему заметили: "Господин профессор, у вас во рту фаллический символ!"

- Иногда сигара может быть просто сигарой, - произнёс открыватель бессознательных сексуальных побуждений.

Поразмыслив несколько минут, Психолог предлагает Боре нарисовать всё, что Боре вздумается, без заданной темы.

Что нарисует он? Пистолет и убийство или цветочки и росинки? По-видимому, рисуя кровавые бойни психологи рекомендуют поступать - в режиссеры в кино и на телевизор, а тем, кто розочки и бантики, - в комитеты защиты женщин и животных.

Боря нарисовал что-то среднее между пистолетом и цветами: индейца с луком.

Первый сеанс психологического тестирования закончился вопросом Психолога:

- Какое твоё любимое занятие?

- Играть в соккер.

- Что именно тебе нравится в игре? - спросил Психолог.

Какого ответа он ожидал от Бори? В две секунды Боря ответил:

- Забивать голы!

Боря отходил несколько сеансов к Психологу в одиночестве. Получил рекомендацию для школы, что он психически здоров.

Не знаю, получил ли Психолог повышение по службе, но точно знаю, что на нашем Боре он не заработал ничего, кроме денег за оплату визитов, и не забил ни одного гола в механические психологические исследования.

Романы детей

Про сексуальные отношения между полами я впервые услышала в пять лет, когда гостила у тётки в Сывороткине, от двоюродной сестры Вали, шести лет, в закоулках русской печки, нашей постели на троих, с ещё одной сестрой Ниной, четырёх лет, где мы лежали под лапчатым ватным одеялом. Валя заговорческим шёпотом на ушко посвятила нас в тайну рождения детей: она слыхала, что у мужчин есть стрелы, которые они посылают женщине, и "эти стрелы превращаются в ребёнков". Я ощутила таинственный страх в темноте печки и в близости потолка, нависавшего над нами.

"Жизнь начиналась в корыте мокрою шёпотью и продолжалась..." ожиданием "царя и стрел".

"Когда-то и где-то жил царь молодой...", пославший своей избраннице стрелу.

Илюша в семь лет придумал такое объяснение начала жизни - "посыпешь где-нибудь семена людей, и вырастет человек".

Как и от кого узнавали мои "американские дети" (Даничка, Эля и Боря) о "семенах людей" и как "стрелы

превращаются в ребёнок", я не знаю - они охраняли свои тайны. Моего скромного английского не хватило бы для постижения американских тонкостей эротического школьного образования. Воспитанным в узких пространствах русских печек с прищёптыванием и приглядыванием не постигнуть сексуальную наглядность продажи презервативов в школе - ведь в моей школе продавались только пионерские значки на титки да галстуки для ношения вокруг шеи красного цвета - "цвета низшей жизни и её наслаждений".

Почему рождается человек? Почему мужчину влечёт к женщине? Как научить мальчиков правильно чувствовать? Чтобы мучения любви не оказались причиной саморазрушения и гибели, и чтобы они не стали бояться этого имперского чувства? Каждый проходит сквозь собственный опыт отказов, обновлений, любовей, и мои сыновья должны пройти по этой полосе воспитания чувств сами, и хотя моя собственная судьба раскрывает, как любовь, будучи отвергнутой, дарит богаче, но для этого необходима твёрдость и жизнерадостность женской природы, а они - мужчины.

Я сделаю несколько зарисовок о просыпании у моих мальчиков чувств к другому полу, о их прикосновении к тайне любви, приносящей пробуждение и первое страдание, как осознание, что ты не полон. И как детство остаётся как воспоминание о рае, когда ты счастлив своим неведением и радостью ожиданий.

Илюша так остро и так рано начал чувствовать своё одиночество, что можно с правом сказать, что любопытство вместе с удивлением было его "а ргіогі", требовавшим от него своих решений и ответов, и это "а ргіогі" повело его от горшка детского сада по всем дорогам и закоулкам очарований и разочарований любви. Он нуждается в человеческой душе, как в защите от чуждости, постоянно ищет дружбы и любви других детей, спрашивает: "Где невесты живут?" и проходит пути необходимого воспитания чувств.

Как жарки и знойны хьюстонские дни, я уже говорила. Небо звенящее без единого облака, как неизмеримый купол, опрокинувшийся на землю, изумрудные статные пальмы стоят неподвижно, и зелень их оттеняет глубину неба. Как жили тут без кондиционеров? Видимо, как наши дети, не замечающие ни безоблачного неба, ни зноя. По хьюстонской жаре Илюша каждый день бегал. Он надевал спортивную майку и торопился на пробежку вдоль ручья, наглухо закрытого колючими кустарниками. Там, где ручей освобождался от своего одеяния, в двух километрах от нашего дома, стояла пекарня "Три брата", туда и повадился наш спортсмен.

- Хлеба не надо? - каждый день спрашивал Илюша.

И "надо" или "не надо", он всё равно бежал вдоль ручья до пекарни.

Возвращаясь, Илюша притаскивал в рюкзаке хлеб, маленькие булочки вынимал, разворачивал и смотрел на принесённые изделия с каким-то тайным удовольствием, как на что-то возвышенное. Меня удивляло такое отношение к хлебу. Кажется, ведь не пережил блокаду?

Потом он прикреплял к голове наушники, брал магнитофон и шёл в ванную, включал музыку, и под горячей или холодной водой "скакал" под душем. Дом дрожал, хотя музыки не было слышно.

День за днём Илюша бегал к "Трёх братьям". Довольно быстро у него образовался круг заинте-ресованных в быстрой доставке свежих хлебо-булочных товаров. Соседка, миссис Флинт, жившая напротив и любившая выпить лишнего от скуки, как-то зашла к нам, и Илюша попросился приносить ей хлеб из пекарни. Она обрадовалась и привлекла к Илюшину "деливери" своих близлежащих соседей молодожёнов-невидимок.

Зайдя как-то в комнату к Илюше, я увидела на подоконнике, около письменного стола, расставленные круглые скульптурки, подойдя ближе, разглядела, что это просто-напросто булочки. Целая коллекция засушенных булочек! С маком, с белым сахаром, с марципаном, с орехами.

- Илюша, ты перешёл от бейсбольных карточек к булочкам? Твоя новая коллекция представляет большой интерес для тараканов. Они с удовольствием её начнут посещать. Ты должен всё это выбросить - сказала я

- Нет, я не могу, - ответил Илюша. - Мне дала их Мэри Бэфф - девочка из нашей школы. Она работает в "Трёх братьях".

- Ну и что? Теперь у нас будет музей образцов хлебо-выпеченных товаров?

- Мэри Бэфф мне очень нравится, - сказал Илюша.

Я растерялась от встречи с таким Илюшиным признанием, от детского простодушия и не знала, как реагировать. Сказала, что я тоже первый раз влюбилась в пятом классе, и добавила что-то банальное про то, что "ты уже вырос и началось воспитание твоих чувств".

Мне захотелось взглянуть на девочку, и хотя Илюша мне строго-настрога приказал не ходить в пекарню, я всё-таки надумала зайти, быстро посмо-треть и, ничего не покупая, уйти.

Девочке было пятнадцать лет, совсем юная, маленькая, с миловидным лицом и с небесными глазками на загорелом лице, она была прелестна, хотя и "ничто не соответствовало с положенными правилами красоты", но весь вид её поражал своей нежностью.

Надо сказать, что девочки в Техасе очень привлекательны. Выросшие на американских харчах, они, как молодые лани, свободно и гибко двигаются, рассыпая по шее роскошные волосы, цвет их лиц отражает и дышит лучами южного солнца. Одна девочка из Илюшиного класса сразу после окончания школы попала на обложку "Плейбоя".

Илюшины побеги в пекарню продолжались. И коллекция булочек, бубликов, маффинов пополнялась, а чтобы уберечь её от тараканов, Илюша помещал каждый экспонат в прозрачную коробочку.

Хозяин пекарни, один из трёх братьев, заметил Илюшин интерес к хлебным продуктам и предложил ему работу: печь

маффины. Однажды Илюша вернулся с пробежки оживлённый, взволнованный, и радостно объявил:

- Я буду всё время смотреть на Мэри Бэфф!

- Кажется, тебя не для этого пригласили!

На заре Илюша побежал в пекарню.

В течение всей выпечки Илюша только и думал, когда же появится Мэри Бэфф! Бедные маффины не могли претендовать на полное Илюшино внимание и оставались забытыми: один противень сгорел, а другой, уже выпеченный, оказался на полу.

Из пекарни он вернулся печальный и расстроенный.

- Зачем мне ходить на эту работу, если я не вижу Мэри Бэфф, а только маффины! - сказал он. Они горят, падают и мне не нравятся! Я не хочу, чтобы меня выгнали, я сам уйду.

На другой день Илюша отказался от выпечки и вернулся к бегу. Бегал он до конца лета. Мы и наши соседи питались тёплыми свежесвепеченными изделиями - плодами Илюшиных побегов.

Когда же каникулы закончились и Мэри Бэфф ушла из пекарни, то Илюша поменял направление бега - от пекарни в сторону к Ривероксу, туда, где жила Мэри Бэфф.

Булочки на Илюшином столе лежали неподвижно, как камушки, воплощающие Илюшину любовь. Я при уборке комнаты чуть-чуть их сдвигала, стирала с них пыль и удивлялась их сохранности.

В один из вечеров он вернулся бледный, с горящими глазами, будто в лихорадке. Что случилось?

- Я видел Мэри Бэфф в кино с парнем из нашего класса, - сказал Илюша и заплакал. Слёзы текли по его лицу, и он глотал их вместе с хлебом, когда сели ужинать. Я обняла его, а Яша прочёл ему строчки из Гёте:

Кто с хлебом слёз своих не ел,
Кто в жизни целыми ночами
На ложе, плача, не сидел,
Тот не знаком с небесными властями.

Нам хотелось хоть на самую малость разделить Илюшины страдания. Хотя можно ли предложить исцеление от нежного и чистого влечения? Может быть, можно создать только новую надежду, чтобы сердце не превратилось в камушки.

Засушенные булочки долго хранились в Илюшином архиве, пока совсем не сморщились и не превратились в точки.

Боря, как и Илюша, в отрочестве следовал желаниям своего сердца без всякого недоверия и страха перед своими чувствами.

После двенадцатого Бориного дня рождения у него начали проявляться отклонения от его обычного поведения: несколько дней подряд он отказывался от третьей порции мороженого, съедая сирил, останавливался для медленного прожевывания, и ложка, привыкнув летать от рта к миске со скоростью звука, замирала в его руках и выскакивала вместе с кашей на пол. Боря смотрит в окно, и на его лице появился признак задумчивости. Всегда пролетая через ступеньки в десятую долю секунды, Боря вдруг идёт по лестнице и посреди дороги осматривается. Эля дёргает его за штанину и толкает, и Боря не даёт полной сдачи, а только тихонько отпихивает Элю и уходит к себе в комнату без всякой потасовки.

- Боря, ты чего? - спросила я, увидев его входящим в кухню и несущим что-то бережно в горсти.

- Ничего, - отвечает Боря, а сам оглядывается по сторонам.

- Дома никого нет, мы с тобой вдвоём. Что у тебя в руках?

- Картинка.

- Кого? Девочки? Покажи.

Боря протягивает ко мне свои ладони, и в них лежит крошечная фотография, вырезанная из школьного альбома.

- Какая прелестная девочка. Как её зовут?

- Рэйчел - почти шёпотом произносит Боря и, разжав ладони, бережно опускает фотографию на стол.

- Картинка крошечная, а мне хочется большую. Я хочу повесить её на стенку.

- Я думаю, что папа сможет сделать тебе большой-большой портрет, у них на работе есть машины, увеличивающие маленькое в большое.

На другой день Лёня часа два или три увеличивал фотографию Рэйчел для Бори, после того как все работники покинули офис и копировальные машины были свободны. Он менял цвета, усиливал и уменьшал тона, используя всё самое модное американское оборудование, придуманное для взлётов и сбиваний ракет, добываясь самого лучшего качества портрета, и изготовил множество самых разнообразных вариантов всех цветов и размеров.

Боря никогда так не дожидался возвращения Лёни, как в этот день. Изнемогая от ожидания, он выходил и смотрел в идеальную даль улицы: не появится ли? И вот - наконец-то! Сопровождаемый шепчущейся толпой листьев, высушенных ветром, Боря побежал навстречу показавшейся машине.

Только Лёня вручил ему папку с портретами, как Боря, ни слова не говоря, быстрее пули взлетел к себе наверх.

Всё вокруг сразу завертелось, его комната зашаталась и весь дом затрясло. Стены задрожали, по-толок заходил ходуном, люстры начали раскачиваться. Скрипели окна, стонали двери, падали предметы, раздавались восклицания! И хотя нас, наслышавшихся звуков детских забав, трудно поразить разнообразием шумов и шатаниями предметов, но многообразии звуков целого оркестра, вызванных одним только Борей, нам не показалось обычным.

Обедать мы прекратили из-за страха, что люстра или её хрустальные висюльки свалятся в суп - Борина комната была над нашей столовой.

Интересно, что там? Что Боря делает с портретом?

- Боря, ты о'кей?

- Я выбираю портрет, - радостно отозвался Боря. -
Зайдите посмотреть!

В изумлении мы остановились в дверях. Нужно сказать, что стены в Бориной комнате давно уже по его настоянию были выкрашены в чёрный цвет, и хотя маляр был удивлён таким непривычным цветом, но выкрасил, мол, комната у детей может быть и чёрной - всё равно стены завесят. И, конечно, Боря покрыл все стены роскошными автомобилями всех цветов и размеров - ламбрагиниями, феррариями, ягуарами, фигурами, мордами бейсбольных игроков и ещё какими-то непонятностями.

Теперь не было видно ни стен, ни автомобилей, ни окон, ни дверей. Портреты заполнили комнату все, сколько было их приготовлено. Рэйчел была везде: на столе, на полу, на двери, на автомобилях и даже на потолке, а Боря метался и поворачивался от одной Рэйчел к другой. То подбежит к столу, то к шкафу, то взглянет на потолок, то остановится посреди комнаты в растерянности, вращая головой из стороны в сторону.

Мы стоим и смотрим. А Боря полез под кровать - и оттуда извлёк ещё одно изображение Рэйчел. Как оно там оказалось?

Какой из портретов оставить? Его глаза, полные блаженства, останавливаются то на одном, то на другом. Лицо Рейчел было с приятно-правильными чертами, но в нём не было законченности, оно было ещё совсем детским, с вопросительными глазами, как первобытная фреска.

У самой двери стояла Рэйчел, увеличенная в сто раз, в бледно розовых тонах, на чёрной стене.

На голубом портрете, подвешенном в окне, линии резче оттеняли овал лица, ангельское выражение Мадонны. Свет, идущий в окно, пробивался сквозь бумагу, и на просвет оставались только голубые линии лица, будто светившиеся насквозь.

Фиолетовая Рэйчел, висевшая на месте любимой "Ламброгинии", выглядела грустной, и в лице было что-то

отрешённое: фиолетовые линии глаз, как фиалки, делали их печальными.

Боря выбрал голубой портрет, при нашем одобрении, открепил его от окна, отложил и приступил к снятию других, именно "приступил". Если бы я могла передать тот трепет, с каким Боря укладывал и снимал портреты! Каждый портрет он брал в руки, как самое нежное, будто это крылья бабочек, сворачивал, едва касаясь пальцами бумаги, и его глаза, полные блаженства, останавливались, прощаясь. Трудно поверить глазам своим, видя такое мягкое проявление у нашего драчуна и баловника. Что делается! Мы вышли из комнаты.

Даничка и Эля, вернувшись, казалось, вовсе ничего не замечали и равнодушно оглядели девочку, как старого члена бейсбольной команды, не проронив ни одного слова.

Во времена моего детства в моей стране кто бы осмелился повесить в комнате такое? Начали бы насмешничать, ёрничать, дразнить, издеваться, подрисовывать усы, зачирикивать. А тут?! Дерутся, толкаются, власть захватывают, но есть наличность качеств, которых победивший гегемон не знал где взять, и мы остались не охваченными этими качествами уважения к своей и чужой личности. Учусь у детей.

Портрет повис над Бориной кроватью. Портрет привиселся. Все к нему привыкли, как к части убранства.

Заходя к Боре в комнату вечером, можно было видеть, как свет от лампы отсвечивал над портретом, образуя вздрагивающий нимб. А если оказывался около портрета во время заката, то в алом отсвете голубой цвет темнел, и лицо молоденькой девочки становилось неузнаваемым.

Прошло время, и вдруг... уже нет портрета. Я оглядываюсь по сторонам. Вместо блестящих глаз Рэйчел глядят две белые дырки, оставшиеся на чёрной стене от гвоздей, прикреплявших портрет. Сквозь солнечные лучи мелькают остатки серебряной полоски ленты, обрамляющей пустое пространство, ставшее более тёмным под портретом, и выглядевшее как заплатка.

Спросить или не спросить, куда делся портрет?

Куда он исчез, я увидела через неделю, убирая Борину комнату. Портрет спокойно и мирно лежал в мусорной корзине, не помятый, не разорванный, просто скрученный в трубочку. Глаза голубой Рэйчел выглядывали из-за коробки с морской звездой и какими-то солдатиками. Я разгребла мусор и вынула портрет. Теперь я разглядела, что голубые линии изображения посветлели, контуры лица стали более мягкими, исчезающими, усмехающимися, и только по школьному переднику можно было догадаться, что это портрет девочки, а не зрелой женщины. И грустно стало, как непостоянны черты твоей радости - даже на портрете. "Неподвижно лишь солнце любви..."

Перед тем как поместить весь мусор в чёрный мешок, я прошептала: "Прощай, Рэйчел! Я уже больше тебя не увижу".

Не успела я закончить уборку, как пришли смеющиеся, толкающиеся дети, и когда я проносила чёрный мешок между ними, они понятия не имели, что в мешке выбрасывается обожаемый призрак - Борин идеал.

Через несколько дней на месте Рэйчел висел постер нового Бориного кумира - певца Боба Марли.

В этот же день мы с Дашиной мамой Полей поехали встретить Дашу из детского сада. Она выбежала к нам весёлая с протянутыми руками, одну Дашину руку взяла Поля, другую я, и мы пошли по направлению к машине.

- Как дела?

Впереди увидели мальчика, тоже идущего с мамой за руку. Мальчик оглянулся и нараспев произнёс: "Бай, Даниэла!"

- Кто этот мальчик? - спрашиваю я.

- Это Джимми.

- Он твой приятель?

- Уже нет. Мы "брэйк офф" с ним.

- Почему?

- Нам стало неинтересно быть друг с другом.

Дашин ответ меня восхитил и навёл на размышление. Кто так изысканно выразится при расставании? Кто не ответит упрёком и помоями в адрес покинутого, а так изящно представит: "Нам стало неинтересно быть друг с другом."

Дети учат - "любить и только" и расставаться - только без ненависти отрицания.

Между лордом и "нёрдом"

В Хьюстоне случилось наводнение. Внезапно с утра пошёл дождь. Даничка с нетерпением ожидал: ну когда же всё затопит? - и огорчился, что вода медленно прибывает. Я помню с детства, как всегда хотелось сверхъестественных явлений, наводнений, ураганов, затмений, сквозь обыденное существование всегда хочет прорваться: как говорят философы, "априорное противопоставление жизни и смерти".

Дождь лил и лил и, никуда не исчезая, набирался в улицах, как в больших корытах, - снизу в Хьюстоне подстилающими породами были глины, которые не впитывали в себя дождевую воду, потому обычной грязи не образовывалось и потоки чистой воды текли по улицам. За два часа воды на улице стало по колено, и к середине дня по улице можно было плавать. А вода всё выше и выше, водяные потоки, падающие с неба, закружились вместе с уличными, смешалось небесное и земное, образовав одно единое водяное целое. Улица стала казаться дном древнего кембрийского прозрачного моря. Крыши домов выглядывали из воды, как панцири гигантских черепах, плавающих среди стеблей пальм, будто среди морской травы. Даничка дождался.

Как только с неба перестало лить, все улицы приняли другой вид. Обычно ни души не встретишь на улицах, а тут всё оживилось, кошки расселись по крышам, открылись двери домов. Из-за каждой двери появились люди, у некоторых на головах были надеты тexasские шляпы, будто на празднике "Родео", другие были без шляп, но с озабоченно-весёлым видом. Мы, наконец-то, увидели соседей!

Даничкин дружок Джимми, живущий в конце нашей улицы, приплыл к нашему дому на маленькой надувной резиновой лодке. Даничка забрался к нему в лодку, и они поплыли вдоль улицы насладиться необычным зрелищем и поискать приключений. Наш чёрный кот Вася сидел на крыше соседнего гаража, и лодка с мальчиками сразу же направилась к нему с намерением "спасти" кота. Но Вася и ухом не повёл, когда они стали его приглашать и приманивали спуститься к ним в лодку. Вася тоже наслаждался зрелищем затопленной улицы, и размышлял об изначальном противопоставлении жизни и смерти. Напрасно они его заманивали, Вася не поддавался на их приманки, сидел себе независимо и задумчиво. Спасатели покрутились, покрутились около него и поехали в другие дома, искать более глупых котов. И нашли! Небольшая лохматенькая кошечка из породы гималайских с приплюснутым носом сидела на заборе, от страха дрожала и мяукала на всю улицу. Спасатели подъехали к ней, кошечка, не пикнув, прижалась к Даничке, после того как её сняли с забора и посадили в лодку. Хозяйка стояла в дверях своего дома и наблюдала за спасателями. На радостях она вручила спасателям десять долларов за снятие с забора своей кошечки. Ясное дело, что с кошкой ничего бы не произошло, но желание помочь маленькой кошечке было вознаграждено. Это был один из первых Даничкиных заработков. Правда, когда ему было четыре года, он заработал пятьдесят центов, прыгая с валявшейся колонны на Форуме в Италии. Была ещё выгодная деловая сделка в пять лет, когда он обменял живую мышь, пойманную мышеловкой, на кадиллак, хотя и небольшой, но красивый.

После вознаграждения за кошечку в то же лето Даничка получил четыре доллара, проработав пятнадцать минут в химчистке. Хозяйка химчистки, предложила ему навешивать бумажки на вешалки. По рассказу Данички, она, увидев, что он сидит около дверей и играет в песке, сказала: "Молодой человек, а не хочешь ли ты заработать? В твои годы нужно уже зарабатывать деньги" - Даничке было девять лет. С тех пор он повадился ходить в химчистку на заработки.

Следующим его заработком, уже в Бостоне, была езда на доске. Напротив нашего дома был роскошный большой дом с шикарными квартирами, садом, бассейном и заасфальтированной площадкой, на которой Даничка катался на доске. В один день он приходит с катания с двадцатью долларами:

- Это мне дали, чтобы я не катался на доске под окнами. Там живут артисты из рок-н-рольного ансамбля "Эйрмитс". Это один из самых знаменитых в Бостоне ансамблей. Сегодня они записывали музыку и дали мне двадцать долларов, чтобы я не гремел под их окнами, а пошёл бы кататься в другое место.

- Теперь, как только тебе понадобятся деньги, ты доску в руки - и под окна. Может, тебя и в ансамбль возьмут? - посмеялась я.

Однако Боря побил Даничкин рекорд по оригинальности заработка. Он запомнил одно имя! Я говорила Дашиной маме, что Боря никогда не помнит русские имена наших друзей. Она решила проверить, неужели её имя Боря не знает?! И спросила:

- Боря, если ты назовёшь моё имя, то я тебе подарю тридцать долларов!

Боря улыбнулся и моментально ответил на русском языке: "По-ли-на!" После изумления, длив-шегося добрую минуту, Полина вручила ему обещанное. Каждому нравится, когда его выделяют из всех остальных, и выделение из окружающих стоит больших денег.

Когда шуточные заработки наших детей кончатся, чем же в жизни они будут зарабатывать? Какую выберут работу?

В детстве Илюша нам угрожал стать палачом за то, что его отдали в советскую школу:

- Я решил неприятную для вас работу выбрать - буду палачом. Развешу скелетики и большие и маленькие, везде. Вас спросят: кем сын работает? Палачом! Вот и хорошо!

Боре учительница говорит:

- Борис, ты должен заниматься математикой, у тебя есть способности, хорошо и быстро решаешь задачи, приходи заниматься в математическую команду, будешь готовиться к олимпиаде.

- Я не нёрд! - пренебрежительно отвечает Боря. "Не хочу быть нёрдом, хочу быть ленд - лордом!" - вставила я. Боря презирает "очкариков", тех, кто занимается учёбой, они ему кажутся скучными, занудливыми, то ли дело его идеал "кул-гай" - парень, который на всё плюёт, ходит с безразличным видом...

- А кем же ты хочешь быть? Какую хочешь работу выбрать? - Вопрос повисает.

- Мама, дай мне денег, - спрашивает Даничка.

- Для чего? - поинтересовалась я, думая что он хочет что-то купить специальное.

- Чтобы были, - отвечает Даничка.

Какие же пути выберут наши мальчики, "чтобы были" денежки в карманах?

В Америке, как в сказке про клад в замурованной горе: по этой дорожке пойдёшь - коня потеряешь, но сам выживешь, по этой - коня сохранишь, но себя потеряешь, по третьей - встретится Серый Волк и тебя и коня съест, по пятой - будешь кошечек спасать, по шестой - мышь на кадиллаке увезёт тебя в туманную даль, по следующей совсем плохо - станешь философом - нёрдом. (Как написано в детской американской игре "Монополи", если ты проигрался, то уезжай в деревню и становись философом. Такое презрительное отношение к философам развивается с детства. Лёня не согласен с такой

оценкой и любит приводить пример, как разбогател философ Фалес, над которым все смеялись, а он, предсказав засуху, скупил весь будущий урожай оливок и стал самым богатым человеком в городе.)

Есть ещё одна длинная-предлинная дорожка по направлению к Голливуду, на ней такое столпотворение, и все на гусях играют, что к Золотым Воротам по ней добирается тот, кто отправился с большим заглазником от мамы и папы, многие в дороге начинают бить баклуши, и как говорит наш приятель Игорь, эта дорога - верный путь к безделью.

Есть ещё масса невидимых дорожек, где избушки на курьих компьютерных ножках ласково приглашают тебя в свои объятия.

Наши витязи на распутье... На печальный и тернистый путь вступят они. Что прельстит их? Небо, на котором блистают созвездия, или эфир, в котором звучат слова, или... или...

"Куда ? - предстоит вам самим решить."

Холодный американский дождь капает на их лица из бродячей тучи, которая меняет форму под влиянием движения воздуха.

Халловин, ведьмы, черти и дети

В Америке есть праздник Халловин, зародившийся на Британских островах, как ночной фестиваль смерти. В начале осени, по преданию, души умерших возвращаются домой в виде духов, ведьм и гномов. Когда-то это был языческий религиозный праздник кельтов, но постепенно превратился в светские вечеринки с ночными проделками. Ирландские иммигранты привезли этот праздник в Штаты, и он стал популярным в Америке. Этот праздник, в конце октября, отмечается карнавальными вечеринками, шествиями ряженных, выпрашивающих подарки, чтобы задобрить недовольных духов, розыгрышами и забавами. В этот день дети наряжаются, в кого хотят, ходят по дворам и побираются. Ряженные говорят: "Трит о трик", т.е. дай, а не то я тебе дам! И каждый дом должен чем-то откупиться, чтоб ряженные не учинили какой-либо гадости, не забросали бы дом яйцами, не побили бы окон, не вымазали бы кремом автомобили. Разве это праздник!?

Это, конечно, не тот праздник, когда были шествия с факелами, безумные свальные наслаждения, совместные

купания, приношения жертв, когда срывались с цепи злейшие демоны природы, и люди бесились. Христианство, как известно, прикрыло "априорную злобность человеческой натуры", и сейчас только на экранах телевизоров и кино можно видеть проявление такой полной безудержности. А в жизни все приутихло, и праздник Халловин превратился в развлечение для детей.

Около домов ставятся разные чудовища, тыквы с вырезанными глазами, скелеты, летающие ведьмы. В тыкву, освобождённую от семян, вставляется зажжённая свечка, скелеты фосфоризируются и в темноте светятся.

В окне нашего дома ребята хотели приклеить ведьму, летающую в ступе, но я возразила:

- Это уж слишком! Я буду бояться, и я ещё не дошла до такой степени отчуждённости, чтоб несколько дней не замечать присутствия в доме ведьмы. Обойдёмся тыквой с глазами.

Приготовили подносы с конфетами - откупные от просящих, чтобы окна не побили и чтобы доставить удовольствие проходящим.

Костюмы ребята выбирали себе сами. Чего только не предлагается в магазинах! Каждый может подобрать себе подходящий. Наши мальчики накупили страшных масок с перекошенными ртами, с длинными носами, париков со стоячими волосами, вставных клыков, плащей с хвостами. Им хотелось пройтись по окрестностям в виде устрашающих чудовищ. Даничка одел костюм чудовища с фосфорическим светом, Боря вставил в рот вампирную пасть, Эля намотал вокруг шеи зелёную змею.

- В старости такими будете! - посмеялась я.

Они перебирали и примеряли, какое чудовище пострашней, с такой заинтересованностью и усердием, что я не могла не заметить:

- Ах, такое бы усердие, да приложить к обучению!

Мои слова летают в воздухе, как мухи, не касаясь ушей, закрытых масками. Ребята так оживлены и наслаждаются, как

наслаждаются только безобидные весёлые звери. Их всё поражает и останавливает. А с каким рвением они принимаются раскрашивать друг друга! Притаскивают распыляющиеся краски, и Даничка опрыскивает костюмы визжащих Бори и Эли сначала фиолетовой, а потом чёрной краской. Боря обсыпает Даничку мукой.

Они веселятся, подпрыгивают, хватают друг друга. У них чистые наслаждения. Я смотрю на их приготовления и думаю: как сохранить такое веселье под тяжестью моргеджей, забот, завистей? Как исхитриться, чтоб пронести жизнерадостность юности? Они даже пугают друг друга с удовольствием. За каждым углом, в каждом доме они ожидают встретить что-то интересное, неожиданное. Мои ожидания - совсем другие. К мимолётной встрече в дверях я потеряла интерес и не жду неожиданностей и внезапностей. Сколько нужно обойти домов, чтобы найти дом?!

А тут... Пришли гости.

- Возьмите Дашу с собой! - просит Дашина мама, - в таком окружении она будет в полной безопасности. По телевизору предупреждали, чтоб дети не ходили по домам: конфеты могут быть отравлены, в сладостях могут быть иголки, может быть, даже кто-то захочет украсть детей, могут и заманить конфеткой, и возможны всяческие недоразумения. Про собак ничего не упоминали, хотя я боюсь и собак тоже.

- Глядя на ходячих чертей, "врождённая злобность человеческой природы" у некоторых людей может вырваться наружу, - замечает Лёня. - А собаки? Они как есть - их априорная модель не затронута христианским воспитанием. "А то, что очевидно для людей, собакам совершенно безразлично."

После таких слов мы с Дашиной мамой решили тихонько ехать на машине за нашими любимыми чудовищами. На всякий случай.

Сумерки спустились на город, и началось хождение вдоль улиц. Толпы ряженных бродили с мешками. Из одной улицы спешили в другую. Ведьм была целая пропасть, все в

масках. Попадались молодые черти попеременно с Батменами, Суперменами, Кулгаями.

Группа наших чудищ во главе с Дашей подошла к первой двери. Даша в чёрном развевающемся плаще с капюшоном, из-под которого светились зелёные волосы, в маске с переливающимися блёстками выглядела очаровательной маленькой ведьмой. Она постучалась в дверь, а неприглядные страшилища стояли чуть поодаль.

- Дорогой, к нам ведьма пришла! - услышали мы голос женщины, открывшей дверь.

- Ещё одна! - раздался громкий мужской голос откуда-то сверху.

Наши чудовища хихикнули. Прокричали халловинное приветствие и протянули мешки и руки за подаянием.

Очутились перед большим домом. Чудовища пришли некстати, открыла дверь молодая женщина. Она высыпала детям мелочь, не приготившись к откупам и не купив конфет. Но чудища довольны, не закидали дом мусором, а пошли дальше с хохотом и взвизгиваниями.

Следующую дверь дома с подвешенным скелетом между колонн, открыл маленький мальчик в маске. Мальчик так обрадовался, что к нему пришли красивые настоящие чудовища, да ещё с маленькой ведьмочкой, что начал скакать, подпрыгивать и раскидывать конфеты. Он разбесился, схватил Элю за хвост, прицепился к нему и начал неистово верещать и корчить рожи. Стоящие сзади взрослые не могли успокоить разбушевавшегося словами, и тогда, по-видимому, отец взял и оттащил мальчика. Мальчишка заорал на всю улицу: "Чайлд абюз! Чайлд абюз!" Мать быстро раздала конфеты и закрыла дверь. Но ещё долго слышался возглас обиженного мальчика, оравшего за дверью и хотевшего развлекаться с чудовищами.

Наверно, потом в суд на родителей подаст за детские обиды.

- Дашу нужно отвезить домой, иначе она тоже разбушует, как этот мальчишка, - сказала Дашина мама.

- А я пойду домой пешком, - сказала я.

Ряженные заполняли все улицы. Маски в штанах, блузах, закутанные в покрывала, с наклеенными кри-выми носами, со скошенными ртами, в разноцветных париках прикрывающих головы, чудища, черти, кикиморы, ведьмы, уроды с бумажными хвостами и развевающимися волосами неслись, будто по каким-то делам.

Всё светилось, горело, крутилось. Куда-то спешили, торопились, кричали, бежали и большие, и маленькие чудовища. В воздухе разносился хохот, триканье. Уже и не только дети, а здоровенные парни и девки стучались в дома. Вот-вот появятся и настоящие привидения. Чего только не приходит на ум! Оглянусь: с одной стороны жужжат в уши какие-то трещотки, с двух других - прыгают и скачут. Кто-то обрызгал лицо водой из пистолета. И куда ни взгляну, всё кажется... Несметное множество чудовищ... Мерещатся. Здесь что-нибудь да не так! Не может быть, чтобы были одни чудища!? Вон и Белоснежка, и Красная Шапочка, и возник возле меня ангел с нейлоновыми крыльями: "Три-тики! Давай, а то врежу!" - произнёс воздушный ангел.

Заметив, что я давно взбираюсь на гору, чтобы не стоять на дороге, я остановилась... и передо мной в вечернем освещении предстал вид на весь Бостон. Ни домов, ни улиц, ни церквей, ни Гарвардских башен уже нельзя было различить в светящейся массе огней. Группами и поодиночке свет от ламп, горящих в домах и на улицах, отражался и преломлялся в воздухе, образуя мерцающие огни, переливающиеся, как брильянты, рассыпанные на чёрной фольге. Среди огней возносились освещённые рекламы, как квадратные и треугольные пространства других миров. Ближе к океану, с левой стороны, в небеса поднималась арка из огненных точечных звёздочек моста, перекинутого через залив. И во всю длину посредине всей картины мчались огни машин, едущих друг за другом по окружности фривея, и, сливаясь в одну яркую колеблющуюся полосу, исчезали по краям в темноте. Хоровод огней, едущих по кругу. "Нет, не думай,

что жизнь - это замкнутый круг небылиц...". Замкнутый круг... от нежного лепета ребёнка до исчезновения в темноте.

Мимо пробежал шут с бубенчиками. А я забыла свою маску. Я осталась без маски. Где мои маски? Где мои триста масок?

Найдя свою весёлую маску, я открыла дверь в мой дом.

Наши домашние чудовища вернулись радостно-возбуждённые. И не скинув с себя халловинных одеяний, они сразу вывалили всё содержимое мешков на большой столовый стол и принялись рассматривать подаяния людей, откупающихся от нечистой силы. Весь стол покрылся дарами, как скатерть-самобранка. Поверхность стола была зеркальная, и каждая конфетка отражалась в зеркале, создавая впечатление, что стол завален тысячами конфет. Сколько они набрали конфет! Тут были и дорогие в красивых обёртках, и дешёвые голые конфетки, и шоколадки, печенья, пряники, монетки, тянучки. Каждая из конфеток как будто имела какой-то особенный смысл. Или мне так показалось? Дети притихли, настроение их сменилось, милое, чистое удовольствие прошло, вид у них стал задумчивый, они сбросили с себя карнавальные одежды и ещё с остатками разрисовок на лицах разошлись по своим комнатам. Праздник прошёл. Интересно, когда они покинут мир фантазий, какие маски им понадобятся на карнавале более крупного стиля? Может быть, они будут свободнее и откровеннее и в злом, и в хорошем? Может быть, они никогда не наденут те маски, в которые я вынуждена была рядиться? А может... Их круг жизни былей и небылиц только начинается.

Ещё слышалось где-то триканье, но скоро всё затихло.